ХРОНИКИ ПРОКОЛА

КНИГА ПЕРВАЯ

СИЯНИЕ

Fenyxxx

Fenyxxx Fenyxxx
Сияние

https://litres.ru/74688183
SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет весь мир пользовался халявной энергией из проколов в ткани мироздания. Раз в сорок семь дней установки светились белым, учёные говорили, что так и надо, и спорить с ними никто не собирался. Когда на Шри-Ланке запустили последний прокол, сияние за несколько секунд обошло всю Землю, а утром все проснулись как ни в чём не бывало.

Странности начались в обычном подъезде. Журнал у Жанны пишет про то, чего ещё не было, колено у бабы Клавы чует неприятности раньше всех, Аркадий слышит в голове чужой голос с акцентом. А кое-кто в городе просыпается совсем пустым.

Главный герой с другом детства и журналисткой, подписывающей письма буквой «М.» берётся выяснить, кто поторопил последний прокол и зачем Консорциуму понадобился новый.

Первая книга цикла «Хроники Прокола».

Содержание

Вместо предисловия	4
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	70
Глава 7	84
Глав	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Fenyxxx
Сияние

Вместо предисловия

17 марта 2031 года российские учёные экспериментально доказали многомерность нашей вселенной. С помощью хитроумной установки ведущие умы страны прокололи ткань мироздания и перебросили предмет размером в сотые доли нанометра на другой конец Земли, в такую же установку. Мировое сообщество тут же принялось предвкушать перемещение людей: как прекрасно в одно мгновение оказаться за тысячи километров! Туроператоры уже рисовали рекламные плакаты, а таксисты, говорят, всерьёз запили. Но вскоре все разочаровались. Размер прокола оказался неизменной константой, всё теми же сотыми долями нанометра, и сколько ни бились учёные, законы природы обойти не удалось.

Зато выяснилось другое. Если задействовать только одну установку, прокол создаёт вокруг себя поле, неизвестное современной физике. На человека оно никак не действовало, а вот любой электрический прибор, помещённый внутрь, начинал работать без питания извне. Огромные электромоторы, подключённые к генераторам в таком поле, дали электростанцию халявной энергии. А как же, Россия и без халя-

вы? В течение месяца по всей необъятной родине закипела стройка. По расчётам, одной установки хватало на город с населением в триста-четыреста тысяч человек. От такой халявы наш народ отказаться, разумеется, не мог...

Первый тревожный звоночек прозвенел через полтора года. «Халявных» электростанций к тому времени набралось больше полусотни, когда произошло Первое Возмущение поля прокола. Приборы зафиксировали излучение по всему радиочастотному и световому диапазону. Проще говоря, поле засветилось нежным белым светом. Случилось это на всех установках мира одновременно и длилось около часа. Но так как никто не пострадал, всё списали на необъяснимые явления плохо изученного пятого измерения. Потом возмущения стали повторяться с завидной регулярностью, раз в 47 дней, а позже учёные выяснили, что каждый новый постоянный прокол сокращает этот интервал примерно на два часа.

Прошло десять лет. Открытие русских учёных разошлось по всему миру, энергия стала почти бесплатной, и люди быстро к этому привыкли, как привыкают ко всему хорошему. Счётчики в квартирах сняли за ненадобностью, в подъездах круглые сутки горел свет, а слово «экономия» осталось только в анекдотах про бабушек. Интервал между «сияниями» тем временем сжимался: сначала до ста часов, потом до двадцати восьми, потом до десяти. Из этого следовало, что если проколоть реальность ещё четыре-пять раз, то... А вот что будет дальше, не знал никто. Гипотез хватало,

от безобидных (поле просто будет светиться постоянно) до предвещающих катастрофы вселенского масштаба (вселенная снова сожмётся в точку). Но человечество пугали «концами света» не первый век, и большинству было откровенно наплевать на то, что наступит после «последнего прокола». А он был уже не за горами...

Глава 1

— До включения установки на Шри-Ланке, которая, по сути, станет «установкой последнего прокола», осталось четыре часа, — вещал на всю страну диктор федерального канала. — Митинги протеста во всех крупнейших городах мира собрали более двадцати миллионов человек. В настоящий момент, как нам известно, интервал между «свечениями» составляет девяносто восемь минут. Этого вполне достаточно, чтобы следующий прокол действительно стал последним. Однако мировое научное сообщество не видит в этом угрозы ни для человечества, ни для планеты в целом...

На экране показали площадь, запруженную народом. Плакаты были на десятке языков, но смысл у всех один: «Хватит дырявить!» Какой-то бородач в шапке из фольги размахивал транспарантом с надписью «Конец близок», и камера задержалась на нём ровно настолько, чтобы зрителю стало ясно: протестуют одни чудаки.

— Они и слона в микроскоп не увидят, — пробормотал Прошков с явной досадой.

Его теорию о воздействии поля на информационную составляющую человека высмеяли, а самого выставили из этого «мирового учёного сообщества» напыщенных индюков. Случилось это полгода назад на большом международном симпозиуме, куда Иван приехал с докладом, тремя папками

графиков и твёрдой уверенностью, что сейчас перевернёт науку. Перевернуть не вышло. Доклад слушали вежливо, как слушают ребёнка, который рассказывает гостям про говорящего кота. Потом седой председатель секции снял очки, протёр их, надел обратно и спросил, не пробовал ли уважаемый коллега измерить информационную составляющую табуретки. Зал засмеялся. Смеялись долго и с удовольствием, а на следующий день Ивана тихо вычеркнули из всех редколлегий и рабочих групп, куда он входил. С тех пор слово «мировой» он произносил только в кавычках, и то сквозь зубы.

— Дальше своего носа не видят... У них не наука, а хрен знает что. Напридумывали догматов и варятся в котле изначально неверного представления о вселенной. Зато представление это высказали учёные с «мировым» именем. Тьфу...

— Чего? — переспросил бармен Семёныч, протиравший стакан на другом конце стойки.

— Ничего. Повтори.

— Тебе того же? Этого, как его... химического?

— Его самого.

Семёныч хмыкнул и налил. Он работал в баре столько, сколько Иван себя помнил, и давно привык, что у профессора (так он звал Ивана с тех пор, как увидел его однажды по телевизору) свой язык. Водку тот называл не иначе как «це два аш пять о аш», закуску отодвигал, а говорил в основном с телевизором.

Иван Прошков, некогда очень перспективный молодой нейробиолог, сидел в баре недалеко от дома и поглощал «це два аш пять о аш» лошадиными дозами. Увидь его сейчас бывшие коллеги, они бы его не узнали. Галстук торчал из кармана пиджака, как язык у запыхавшейся собаки, волосы стояли дыбом, а в глазах была та особая усталость, которая бывает у людей, слишком долго споривших с очевидным.

В свои тридцать Иван был не только успешным учёным, но и неплохим предпринимателем. Его фирма продавала его же разработки в области медицины головного мозга: датчики, шлемы для снятия энцефалограмм, программы, препараты. Начинал он в подвале с двумя аспирантами и паяльником, а теперь имел лабораторию, небольшой завод на окраине и контрольный пакет акций, о чём не любил говорить вслух. Деньги его интересовали ровно настолько, насколько на них можно было купить оборудование. Даже несчастье двухмесячной давности его не сломило. В голове у него нашли неоперабельную опухоль, и лишь он один знал, откуда она взялась.

За соседним столиком двое мужиков спорили, что будет после «последнего прокола».

— Да ничего не будет, — уверенно говорил один, в кепке. — Посветит и перестанет. Сколько раз уже светило, и что? Я вон в прошлый раз как раз в бане был. Посветило, и всё. Даже веник не завял.

— А интервал? — возражал второй. — Был сорок семь

дней, стал полтора часа. Это ж не просто так.

— А зарплата была сорок семь тысяч, стала двадцать. Тоже не просто так. Живём же.

Иван хотел было вмешаться и объяснить им, что такое экспоненциальное сжатие, но посмотрел в рюмку и передумал. Рюмка, в отличие от мужиков, была с ним полностью согласна.

Два месяца назад.

Проходя мимо установки прокола, которая питала энергией всю лабораторию и завод, он по привычке засмотрелся на свечение. Выглядела установка неказисто: серый металлический шкаф размером с двухкамерный холодильник, пучок кабелей, пульт с десятком лампочек и жёлтая разметка на полу, отмечавшая границу поля. За разметкой начиналось то самое «пятое измерение», а на вид ничего особенного, обычный бетонный пол, только воздух над ним раз в пару часов наливался мягким белым светом.

Уже не первый год Ивану не давала покоя мысль, откуда оно берётся, и он начал ставить опыты. Сам. Никого не привлекая. Сначала он клал в поле всё, что попадалось под руку: фотобумагу, магниты, счётчик Гейгера, кусок хлеба, горшок с кактусом, которого лаборантки звали Эдуардом. Фотобумага не засветилась, магниты не размагнитились, счётчик молчал, хлеб засох в положенный срок, а Эдуард продолжал расти с тем же равнодушием, с каким рос до опытов. Иван ставил камеры, датчики температуры и давления,

однажды даже притащил старый ламповый радиоприёмник в надежде, что тот поймает что-нибудь потустороннее. Приёмник поймал «Маяк». Все опыты проваливались: свечение просто не реагировало ни на что материальное.

И как-то раз в голову ему закралась мыслишка, совершенно абсурдная и ничем не обоснованная, но чем чёрт не шутит. Ведь и пятого измерения как такового быть не должно. Современная наука приняла его как факт, так и не сформулировав толком, с чем столкнулось человечество.

— А что, если наши мысли приходят из того же «пятого» измерения? — подумал учёный. — Они точно так же существуют, но ни потрогать, ни уловить, ни описать, как они появляются, нельзя. Хотя мозговую активность мы улавливаем: это слабое излучение коры. И поле прокола во время свечения тоже излучает. Только мозг излучает в узком диапазоне длин волн, а свечение занимает диапазон гораздо шире. Они пересекаются процентов на три-пять... ВОТ ОНО! Вот почему мы не замечаем поле, а оно не замечает нас! Две радиостанции на соседних частотах: одна другой не мешает, пока кто-нибудь не покрутит ручку. Значит, надо всего лишь расширить пересечение. Срочно всё проверить, пока не забыл...

И Иван побежал за оборудованием.

Оборудования у него, слава богу, хватало: собственная фирма делала лучшие в стране шлемы для энцефалограмм. Иван притащил три штуки, ноутбук, два анализатора спек-

тра и раскладной стул, на котором собирался сидеть в поле, пока не надоест. Увлёкшись, он не заметил, как прошли сутки. Десятки опытов, сотни датчиков, тысячи потраченных минут. Он сидел в поле во время свечения и вне его, думал о высоком и о низком, решал в уме уравнения, вспоминал первую любовь и пытался ни о чём не думать, что оказалось труднее всего. Шлем исправно рисовал кривые, кривые исправно показывали обычные три-пять процентов пересечения. И никакого результата. «Всё, последний опыт, и спать, — решил он. — Не хватало ещё свалиться тут без сознания!» Последний опыт тоже не удался.

Иван спал в комнате рядом с установкой на не очень удобном диване. Диван этот достался лаборатории от прежних хозяев здания и обладал характером: одна пружина в нём всегда упиралась спящему точно под левую лопатку, куда бы тот ни лёг. Проснувшись через пять часов, Иван чуть не закричал «Эврика!». Ему приснился друг детства Толян, который, изрядно приняв на грудь, втолковывал ему что-то о смысле жизни. Иван попытался отправить его домой или куда-нибудь подальше, а Толян глубокомысленно заявил: «Да, Вано, ты прав, сегодня мы с тобой не на одной волне... Может, по пивку?»

— Как же я сразу не догадался: «не на одной волне»! — корил себя Иван. — Для успеха нужен резонанс, а для него нужно изменённое состояние сознания. Как его достичь? Ни йогой, ни медитациями я не владею. Медитировать я пробо-

вал один раз, на третьей минуте начал составлять список покупок. Остаются препараты, воздействующие на мозг. А я, совершенно случайно, один из лучших нейробиологов России и владею контрольным пакетом акций завода, который такие препараты выпускает. — Он ехидно улыбнулся собственным мыслям. — Составим список и продолжим опыты.

В список вошло больше десятка лекарств, от обезболивающих и успокоительных до препаратов противоположного действия. Иван принимал их по одному, строго в терапевтических дозах, записывал время, давление и пульс, садился в поле и ждал свечения. После успокоительного он чуть не уснул на раскладном стуле. После бодрящего три часа подряд ходил вокруг установки и разговаривал с Эдуардом. Ни один препарат не дал резонанса. Кривые на мониторе даже не шелохнулись, как будто им было глубоко безразлично, что Иван в себя вливает.

Остался последний, ещё находившийся на стадии тестирования. Он усиливал передачу сигналов между нейронами: у испытуемых резко снижался болевой порог (укол иглой вызывал чуть ли не шок), обострялся слух, глаза различали заметно больше цветов, а диапазон зрения слегка расширялся, захватывая немного инфракрасного и немного ультрафиолета. Один из добровольцев потом рассказывал, что видел, как светятся следы от пальцев на стекле. Принимать препарат было опасно: противопоказания и побочные эффекты ещё не выявили. А для успеха Ивану требовалась доза вчетве-

ро больше той, что получали испытуемые. После такой дозы мыши (если пересчитать мышиную дозу на человеческую) вели себя уже совсем неадекватно: часами сидели неподвижно и смотрели в одну точку, будто что-то там видели.

Иван долго смотрел на ампулу. Внутренний голос, подозрительно похожий на голос его научного руководителя, перечислял всё, что может пойти не так. Список получался длинный и неприятный. Другой голос, попроще и посмелее, говорил, что если сейчас не попробовать, то он так и будет всю жизнь класть в поле хлеб и кактусы. Победил второй, как это обычно и бывает у русского человека. Положившись на авось, Иван решился.

До следующего свечения оставалась сорок одна минута. Он включил аппаратуру, которая запишет весь эксперимент, надел шлем с датчиками, переступил жёлтую линию и ввёл препарат в вену.

Иван сидел на полу и не мог пошевелиться. Каждое движение, да что там, одна мысль о движении причиняла невыносимую боль. Звук собственного дыхания резал уши, как скрежет металла по стеклу. Лампы под потолком горели так ярко, что глаза пришлось закрыть, но и сквозь веки пробивался какой-то цветной шум, будто кто-то включил внутри головы испорченный телевизор. Через пару минут, а может, часов (время потерялось совсем), боль отступила, и на её место пришла пустота. Абсолютная. Сначала Иван пытался ей сопротивляться, но не смог, и пустота заполнила его цели-

ком. Он почувствовал себя пустой бутылкой с закрытым горлышком. Чтобы наполниться хоть чем-нибудь, надо было открыть горлышко. Но как? Так он и сидел, ничего не видя и не слыша, и пытался сорвать с себя крышку. Безуспешно.

Сначала появилась лёгкая вибрация. Потом стало чуть светлее, а вскоре мягкий белый свет заполнил всё вокруг.

«Сияние! — подумал Иван. — Неужели я снова могу думать? Почему я не вижу ничего, кроме сияния? И что это за тёмное пятно?» Приглядевшись, он различил в пятне человеческий силуэт. Силуэт сидел на полу в нелепой позе, со шлемом на голове, и у него была расстёгнута пуговица на рубашке, та самая, которая всё время расстёгивалась у Ивана. «Батюшки, да это же я! Я вижу себя со стороны. Ну и дела. Неужели передозировка и смерть? Тогда где обещанный тоннель или, на худой конец, ангелы с чертями? Нет, так дело не пойдёт. Или давайте мне потустороннюю нечисть, или умирать я отказываюсь. Фигушки вам! Скучно тут у вас...»

С такими примерно мыслями Иван летал по сиянию. Летал, впрочем, громко сказано: он просто был то тут, то там, без всякого перемещения, как бывает во сне, когда сначала ты на кухне, а потом сразу на вокзале. Покинуть сияние почему-то не получалось. Стоило подумать о двери лаборатории, как он оказывался рядом с ней, но дверь была не дверью, а светлым пятном в светлом, и выйти в неё было так же невозможно, как выйти из нарисованной комнаты.

«Стоп. Неужели случилось? Неужели резонанс? Спокой-

но, Ваня, без скоропалительных выводов, ты же учёный. А учёному нужен анализ. Что мы имеем? Во-первых, тело, предположительно моё, точнее не разобрать, всё расплывчато. Во-вторых, кого-то, кто за этим телом наблюдает, предположительно призрака, предположительно моего. В-третьих, я помирать совсем не хочу, мне страшно, и вообще я хочу к маме! Выпустите меня отсюда! Ну пожалуйста!»

Паника прошла так же внезапно, как началась.

«Фу... так и психом остаться можно. Нужно срочно чем-то себя занять. Где-то тут была установка. Поглядим на неё».

Но установки Иван не увидел. Не было ни серого шкафа, ни пульта с лампочками, ни жёлтой линии на полу. Там, где всё это стояло, чернела только точка прокола. Маленькая, меньше булавочной головки, и при этом такая чёрная, что всё остальное рядом с ней казалось бледным и ненастоящим. Иван посмотрел на неё и уже не смог отвести взгляд. Точка медленно втягивала сияние в себя, как воронка в ванной втягивает воду, и Ивана с силой тянуло следом, а противопоставить этой силе он ничего не мог. Ему даже показалось, что там, за точкой, что-то есть:не свет и не темнота, а какой-то далёкий гул, как от большого города ночью.

С этого момента им овладел страх. Не тот, что испытываешь в кинотеатре на очередном ужастике, и не тот, что догоняет тебя в тёмном переулке, когда за спиной слышатся шаги, а СТРАХ. Настоящий, первородный, животный, который сковывает сознание и сводит с ума.

Сколько это длилось и чем закончилось, Иван не помнил. Очнулся он на полу с дикой головной болью. Шлем съехал набок, провод от датчика обмотался вокруг шеи, а рядом валялся раскладной стул, который он, видимо, опрокинул. Встал Иван не с первого раза. Кактус Эдуард смотрел на него с подоконника с прежним равнодушием, и почему-то именно это равнодушие показалось ему самым обнадёживающим зрелищем на свете. Кое-как Иван добрёл до своего «любимого» диванчика, лёг прямо на коварную пружину и провалился в сон, где не было ни мягкого белого сияния, ни страшной неизвестности в чёрной точке.

Глава 2

Да, такой эксперимент не забыть никогда. Тем более что на второй такой же Иван больше не решился. Даже спустя два месяца при одной мысли о повторении у него начинали дрожать руки и подгибаться колени. Стоило ему увидеть в новостях белое свечение какой-нибудь установки, как в животе что-то сжималось в холодный комок, а перед глазами вставала та самая чёрная точка. И всё же он считал эксперимент удачным.

Проснувшись тогда, он почувствовал жуткий голод. Страшно хотелось сладкого, но с этим можно было потерпеть: главное, эксперимент. Резво вскочив с «любимого» диванчика, Иван чуть не оставил на полу отпечаток лица. Ноги подкосились, и лишь схватившись за подлокотник, он удержал равновесие. Голова кружилась так, будто он сутки катался на карусели, а во рту стоял привкус меди. Мелкими перебежками добравшись до оборудования и стараясь не смотреть на установку (у-у-у, дьявольская машина, сколько ж ты мне кровушки попортила!), он приступил к разбору полётов.

По дороге он всё-таки заглянул в ящик стола лаборантки Светочки и нашёл там пачку пряников. Пряники были каменные, явно доисторические, но в ту минуту показались Ивану вкуснее всего, что он ел в жизни. Он сгрыз два, мысленно пообещал Светочке купить новые и уселся перед мо-

нитором.

— Так, что мы имеем? Тут пусто, тут как всегда ничего... А это что? — Иван не поверил глазам и пробежался по отчёту ещё раз. — Не может быть!

Диаграмма показывала, насколько спектр его мозга совпадал со спектром поля. До приёма препарата кривая колебалась в районе четырёх-пяти процентов. Через минуту после приёма поднялась до восьми и держалась на этой отметке все сорок минут до сияния. А за мгновение до сияния взлетела до ста процентов, чтобы тут же рухнуть вниз.

Иван смотрел на этот пик, как смотрят на выигрышный лотерейный билет: страшно моргнуть, вдруг исчезнет. Сто процентов. Полное совпадение. Мозг и поле на какой-то миг зазвучали в один голос, как два камертона. Получалось, что всё, над чем смеялись «мировые светила», правда. Он прокрутил запись ещё раз, проверил калибровку, проверил датчики, проверил даже, не сбилось ли время на ноутбуке. Всё было честно.

— Всё-таки резонанс, — подумал Иван и отключился.

Очнулся он в больнице, под капельницей, с сильным истощением организма. Нашла его та самая Светочка, пришедшая утром на работу. Как она потом рассказывала, профессор лежал лицом на клавиатуре, а на мониторе от этого набралось полстраницы буквы «ж». Скорую она вызвала быстро, а вот пряники, говорят, оплакивала долго.

В больнице Иван провёл неделю. Капельницы, анализы,

уколы, врачи с озабоченными лицами. Самым озабоченным лицом обладал невролог Гаврилов, пожилой и основательный, похожий на старого моржа в белом халате. Он приходил каждое утро, светил Ивану фонариком в глаза, стучал молоточком по коленям и задавал один и тот же вопрос:

— Ну-с, молодой человек, что же вы такое с собой сделали?

— Переутомился, — честно отвечал Иван. Это была правда, только очень неполная.

Тогда и начались головные боли. Сначала редкие, потом всё чаще. Поначалу Иван отшучивался: раз голова болит, значит, мозг растёт, а учёным это только на пользу. Гаврилов шутку не оценил и отправил его на томограмму.

Снимки Иван разглядывал сам, долго, с профессиональным интересом, будто речь шла не о его собственной голове. Образование сидело глубоко, в самом центре, там, где сходятся пути, по которым бегают сигналы между полушариями. Небольшое, с горошину. Странной формы: не шарик, как положено приличной опухоли, а что-то вроде туго затянутого узелка, от которого во все стороны разбегались тонкие светлые ниточки. Таких снимков Иван не видел ни в одном учебнике.

— Неоперабельно, — сказал Гаврилов, глядя не на Ивана, а куда-то в окно. — Место такое. Туда не подлезешь, не задев всего остального. Будем наблюдать.

— Сколько? — спросил Иван.

— Что сколько?

— Сколько наблюдать.

Гаврилов помолчал, пожевал губами и сказал то, что говорят все врачи, когда не знают ответа:

— Посмотрим.

Дома Иван первым делом открыл ноутбук и ещё раз посмотрел на запись эксперимента. Пик никуда не делся. Он подумал и сделал то, чего раньше никогда не делал: не стал никому показывать. Ни аспирантам, ни Гаврилову, ни, тем более, «мировому сообществу». Отчёт он переписал на закрытый сервер фирмы, в отдельную папку с длинным и бессмысленным названием, поставил пароль, который знал только сам, а с ноутбука всё стёр. «Пусть полежит, — решил он. — Сначала сам пойму, что это было. А то опять спросят про табуретку».

Почему-то ему всё время вспоминался снимок. Узелок с ниточками. Иван был нейробиологом и прекрасно знал, как выглядят опухоли. Эта на опухоль была похожа так же, как Эдуард на ёлку: вроде и колючий, и зелёный, а всё-таки не то. Но учёный в нём твёрдо сказал, что выводы делать рано, и Иван послушался. Учёного в себе он уважал, хотя и не всегда любил.

Не унывал Иван и тогда, когда врачи нашли опухоль. Он вернулся на работу, отменил все опыты, раздал аспирантам темы попроще и стал жить как жил, только к установке больше не подходил. Головные боли он терпел, как терпят

плохую погоду. А сегодня вот расклеился: сидел в баре один за столиком и опрокидывал рюмку за рюмкой. С горла он был уже рад хлебать, да воспитание не позволяет, а интеллигентская натура противится...

— Профессор, — сказал наконец Семёныч, забирая у него пустой графинчик. — Шёл бы ты домой. До этого их прокола три с половиной часа осталось. Мало ли что. Конец света лучше встречать в тапочках.

— Конца света не будет, — мрачно сказал Иван. — Будет что-нибудь похуже.

— Это что же хуже конца света?

— Начало чего-нибудь нового.

Семёныч подумал, почесал затылок и решил, что профессору точно хватит. Мужики за соседним столиком к тому времени уже разошлись, телевизор показывал всё ту же площадь, только людей на ней стало больше, а фольги на головах меньше. Иван расплатился, оставил на чай больше обычного (сам не понял почему, просто показалось правильным) и вышел на улицу.

Вечер был тёплый и тихий. Фонари горели ровно, как горели уже десять лет, с тех пор как свет стал бесплатным и никто больше не выключал их даже днём. Где-то лаяла собака, где-то играла музыка. Город жил своей жизнью и ни о каких проколах не думал.

Головная боль накрыла его уже по дороге домой. Она пришла, как всегда, без предупреждения: сначала тупо заныло

в затылке, потом в висках застучали молотки, а потом весь мир сузился до узкого коридора, по краям которого плясали белые искры. И вовремя подвернулся столб. Иван обнял это чудо архитектурной мысли, постоял немного и немного оклемался. Столб был холодный, шершавый и надёжный. Мимо прошла женщина с собакой. Собака посмотрела на Ивана с пониманием, женщина без.

Хорошо, что идти оставалось всего пару десятков метров. Кое-как открыв дверь ключом (попал он с третьего раза, причём два первых раза в соседнюю замочную скважину, которой на двери не было), он ввалился в квартиру. Обезболивающее пить было бесполезно: не помогало ничто. Иван перепробовал за эти два месяца всё, что было в аптеке, и кое-что из того, чего в аптеке не было. Оставалось пережидать боль и мечтать о спасительном сне, который принесёт блаженство и беспамятство...

• • •

Толяну было плохо. Вчерашние посиделки закончились мордобоем, и, посмотрев на своё отражение в зеркале, он решил, что мордобой закончился явно не в его пользу. Губы разбиты, нос приплюснут, оба глаза почти скрылись под чернотой фингалов, а сверху ещё и шишка на лбу. Явный перебор!

Как всё началось, Толян помнил смутно. Сидели в гара-

же у Витька, отмечали что-то важное, то ли день рождения, то ли последний прокол, то ли просто пятницу. Потом пришли какие-то незнакомые ребята из соседнего кооператива и заявили, что пятнице конец и света скоро тоже. Толян с этим не согласился, причём, как ему казалось, в очень вежливой форме. Дальнейшее покрывал туман. Судя по костяшкам, вежливость была взаимной.

Пора завязывать бухать. Мысль верная, но опохмелиться всё равно надо, хотя бы для анестезии. Толян открыл холодильник, достал бутылку пива и сделал «небольшой», с полбутылки, глоточек. Жизнь тут же показалась не такой уж плохой штукой, но с алкоголем пора было завязывать. Он плюхнулся на диван, привычно включил новости и так же привычно задремал под монотонный голос диктора...

Этажом выше баба Клава пекла пироги. Сегодня должна была прийти дочь Алла с внучком Васюткой, а Васютка обожает бабушкины пироги со сладким вареньем. Варенье было своё, вишнёвое, с дачи, сваренное ещё в июле по рецепту бабы Клавиной мамы, а та, в свою очередь, получила его от своей. Рецепт этот баба Клава никому не открывала, даже Алле, говорила: «Помру, в тетрадке найдёшь». Тетрадку, впрочем, никто никогда не видел.

Всё почти готово. Последняя партия испеклась и легла к остальным, оставалось домыть посуду и немного отдохнуть. Пирогов вышло столько, что хватило бы на роту солдат, но баба Клава считала, что пирогов много не бывает: бывает ма-

ло гостей. Вот и последняя тарелка вымыта и убрана на место. Теперь можно присесть в любимое кресло-качалку (его сделал покойный муж Пётр Иванович, специально для любимой жены, и за тридцать лет оно ни разу не скрипнуло) и посмотреть телевизор. Скоро начнётся любимое ток-шоу, а пока новости. В новостях опять показывали Шри-Ланку, и баба Клава неодобрительно поджала губы. «Всё колупают и колупают, — подумала она. — Нет бы оставить в покое, что работает. Петя бы им сказал». Что именно сказал бы Петя, она уточнять не стала даже мысленно. «Ой, уморилась, аж глаза слипаются. Подремлю-ка я чуток. Звонок у меня громкий, медведя из берлоги поднимет!» Так баба Клава и уснула, медленно покачиваясь в кресле...

Тем временем в семнадцатой квартире шли полноценные разборки. Жена Елена в очередной раз подозревала мужа Аркадия в измене. На этот раз поводом послужил телефон: Аркадию в половине двенадцатого ночи вчера пришло сообщение «Ну что, завтра в силе?». Аркадий клялся, что это с работы, насчёт инвентаризации. Елена отвечала, что инвентаризацию в половине двенадцатого ночи проводят только с определёнными целями и с определёнными людьми.

— Это Михалыч! — кричал Аркадий. — Михалыч, кладовщик! Ему шестьдесят лет, у него грыжа и трое внуков!

— Тогда почему он пишет «ну что»? — кричала в ответ Елена. — Кладовщики так не пишут! Кладовщики пишут по делу!

Крики и маты разносились далеко за пределы квартиры. Любопытная соседка Жанна из восемнадцатой прилипла ухом к стенке, не желая пропустить ни слова. К её великому разочарованию, ссора быстро утихла, и по громко хлопнувшей двери можно было с большой долей уверенности сказать, что супруги разошлись по разным комнатам. Судя по скрипу, Аркадий отправился на диван в гостиную, где проводил уже третью ночь за месяц.

«Ну ничего, — подумала Жанна, — посмотрим телек, там тоже много интересного». Но по телевизору шли одни новости. Большинство каналов вообще показывали заставку, как при профилактике, а на остальных говорили про одно и то же. Жанна не любила политику, новости и прочую «дребедень», которая «ну совсем не нужна такой стильной девушке, как я». Поэтому она включила музыку, устроилась на кровати поудобнее и принялась листать последний выпуск самого модного, по её мнению, журнала о светской жизни. Журнал обещал рассказать, что будут носить этой осенью, с кем развелась одна известная певица и как выглядеть на десять лет моложе за пятнадцать минут. До пятнадцати минут Жанна не дотерпела. Заснула, сама не заметив как, лицом прямо в разворот с осенней коллекцией...

Иван Прошков, живущий в соседнем подъезде, мучился головной болью уже третий час. Он лежал в темноте на диване, не раздеваясь, и считал удары пульса в висках. На сотом сбился, начал снова. Телевизор бормотал что-то про об-

ратный отсчёт, но Иван его не слушал. Конец сегодняшних пыток он встретил с облегчением и с огромной радостью погрузился в призрачную дрёму, а затем и в полноценный сон...

• • •

Последний прокол действительно стал последним.

Включение установки показывали в прямом эфире на всех каналах мира. Огромный ангар на окраине Коломбо, белые халаты, флаги двух десятков стран, улыбающиеся чиновники в первом ряду и большой экран с обратным отсчётом. Комментатор федерального канала то и дело повторял слова «историческое событие» и «новая эра», будто боялся, что зрители забудут. Зрителей было много: в тот вечер, говорят, у телевизоров сидело больше людей, чем на любом чемпионате мира по футболу. Смотрели, правда, далеко не все: в нашем городе, например, был уже поздний вечер, и большинство, как баба Клава, Толян или Жанна, уснули ещё до начала трансляции.

На экране пошли последние секунды. Десять. Девять. Кто-то в зале перекрестился, кто-то достал телефон, чтобы снять историю на память. Три. Два. Один.

Как только установку запустили, появилось сияние. Белое, мягкое, привычное, такое же, как тысячи раз до этого на всех станциях мира. Но, добравшись до своих законных четырёх метров вокруг прокола, оно не остановилось. Лю-

ди, работавшие внутри, ничего даже не заметили: они сразу уснули. Камера ещё успела показать, как оседают в креслах операторы, как падает из рук телефон у какого-то иностранного министра, и картинка застыла.

А вот распространение сияния показывали по всем телеканалам мира. Из космоса было видно, как по всей Земле загораются растущие белые точки: сначала одна, в Индийском океане, потом сотни, тысячи, на каждой станции, в каждом городе. Точки превращались в мячики, мячики сливались друг с другом, и за считаные секунды планета целиком засветилась нежным белым цветом. Это наблюдали космонавты на МКС, и они же стали последними, кого сияние застигло. Так вся Земля погрузилась в «спячку».

Уснули все. Уснули дикторы в студиях и диспетчеры в аэропортах, уснули дежурные врачи и ночные сторожа, уснули кошки на подоконниках и собаки в будках. Самолёты, к счастью, давно летали на автопилотах, которым поле прокола было не указ, а поезда сами притормаживали, не дождавшись ответа от машиниста. Мир замер, как в сказке про спящую красавицу, только без красавицы и без принца.

А сияние пошло дальше по вселенной (не светом, разумеется, свет так не умеет), удваиваясь каждую секунду. По последним данным, вселенная в поперечнике составляет 156 миллиардов световых лет, и меньше чем за две минуты сияние заполнило её всю...

Пробуждение было тяжёлым: по мозгам будто били кувал-

дой.

Глава 3

Толян решил, что допился. Мысль была первой и, как ни странно, самой здравой. Голова гудела так, словно пока он спал, в ней шёл капитальный ремонт, а прорабом выступал человек без эмоций и с отличной дикцией. Прораб как раз закончил фразу:

«Интервал закрыт. Канал открыт. Не делайте новых дверей».

— Каких ещё дверей? — хрипло спросил Толян у потолка. — У меня одна, и та дерматином обита.

Потолок промолчал. Голос тоже. Голос оказался вежливым, а к вежливому обращению Толян, человек в целом мордобойный, не привык и насторожился сильнее, чем если бы его обругали.

Пиво на журнальном столике стояло там, где он его оставил, на половине бутылки. Толян потянулся к бутылке по традиции, чтобы она спасла положение, и в тот момент, когда пальцы коснулись стекла, пиво мигнуло изнутри белым, как лампочка в холодильнике. Один раз. И всё.

Толян посмотрел на бутылку. Бутылка не посмотрела на Толяна, но, по-видимому, имела своё мнение.

— Пора завязывать, — сказал он и отодвинул её на край стола, как отодвигают собеседника, ставшего не слишком интересным.

Телевизор работал. Диктор был белее студийных декораций и читал по бумажке, спотыкаясь на каждом втором слове: проснулись все, по всему миру, причины выясняются, просим сохранять спокойствие. Спокойствия в его голосе не наблюдалось. Зато стало понятно главное: голос слышал не один Толян. Коллективный бред он считал вполне приемлемой альтернативой индивидуальному, и ему стало почти хорошо.

Почти. Потому что тишина в квартире была какая-то неправильная. Холодильник гудел, часы на стене тикали, за окном проехала машина, всё как обычно. А под всем этим, глубже, чем слух, шёл ровный тихий фон, будто где-то очень далеко работал огромный трансформатор. Толян потряс головой. Фон не вытряхнулся.

— Ладно, — сказал он сам себе. — Разберёмся.

На телефоне висело одиннадцать пропущенных. Девять от Витька, хозяина гаража, одно от мамы и одно с незнакомого номера. Толян перезвонил маме, выслушал, что она спала, что все спали, что кошка Муська тоже спала, хотя кошке, вообще-то, положено, и что голос в голове был «как у того артиста, ну, который в сериале врача играл». Толян пообещал заехать в выходные, положил трубку и задумался. У мамы, значит, артист. У него прораб. Интересное кино.

Разбираться Толян привык по-соседски. Он натянул треники, сунул ноги в шлёпанцы, посмотрел в зеркало, вздрогнул и пошёл на лестницу.

• • •

Баба Клава проснулась в кресле-качалке и первым делом сказала:

— Петя, ты, что ли?

Покойный муж и при жизни любил вставить замечание в самый неподходящий момент, но говорил он с выражением, а этот голос был гладкий, как новая клеёнка. Баба Клава решила, что за годы на небесах Петя наконец-то выучился культурно выражаться. Подумала и добавила вслух, на всякий случай:

— Двери ему, видишь ли, не делай. А кто тебя просил в восемьдесят девятом балкон застеклять? Сам и застеклил, никто не делал.

Звонок в дверь, громкий, как и было обещано, поднял бы медведя из берлоги. Баба Клава встала, по дороге включила чайник (пироги пирогами, а чай по расписанию) и открыла. На пороге стояли дочь Алла, серая, как мокрый асфальт, и внучок Васютка, розовый и бодрый, будто ему вручили приз.

— Мам, мы проспали, — сказала Алла. — Мы все проспали. Весь город. Я в такси уснула, представляешь? Водитель тоже. Хорошо, на светофоре стояли. Проснулись, а он мне говорит: «Девушка, вы слышали?» А я говорю: «Слышала».

— Бабуль, — перебил Васютка, — а у меня в голове дядя сказал: «интервал закрыт». Это что, мультик?

— Это погода, Васенька, — не растерялась баба Клава. — Проходите, пирогов на роту напекла.

На кухне щёлкнул чайник, и в его прозрачном боку на долю секунды вспыхнуло белое, как от фотоаппарата. Баба Клава вытерла руки о фартук, посмотрела на чайник долгим взглядом, каким смотрят на соседа, внезапно заговорившего цитатами, и налила себе чаю. Чай был нормальный. Это успокоило её больше всего.

— Мам, ты видела? — шёпотом спросила Алла. — Он светился.

— Видела. Старый он, вот и светится. Я в нём тридцать лет кипяток грею. Ты бы тоже засветилась.

Алла хотела возразить, но в рот ей уже засунули пирог, и спорить стало технически невозможно. Васютка с пирогом в каждой руке отправился смотреть телевизор, а баба Клава села напротив дочери и долго смотрела в окно. В окне ничего особенного не было: двор, качели, чья-то машина. Но лицо у неё было такое, будто она к чему-то прислушивается и пока не может разобрать слов.

— Знаешь, Алка, — сказала она наконец, — сон мне снился. Будто стою я на вокзале, а поезда всё идут и идут, и все мимо. И в каждом окне кто-то машет. Я машу в ответ, а кому машу, не знаю.

— Мам, это нервы.

— Нервы, — согласилась баба Клава. — Ешь пирог.

В дверь снова позвонили, на этот раз деликатно, два раза,

как звонят те, кто знает, что их всё равно пустят. На пороге стоял Толян в трениках и шлёпанцах, с лицом, которое лучше было не описывать.

— Тёть Клав, вы живая?

— Живее тебя, — сказала баба Клава, оглядев его фингалы. — Ох ты ж, батюшки. Это тебя тоже голосом?

— Это меня до голоса. Тёть Клав, вы голос слышали?

— Слышала. Петя мой это. Культурный стал.

Толян посмотрел на неё с большим уважением, но спорить не стал. Он вообще с бабой Клавой никогда не спорил, с тех пор как в восьмом классе она отходила его полотенцем за разбитое окно в подъезде. Справедливо, кстати, отходила.

— А у вас ничего не... ну... не светилось?

Баба Клава помолчала. Ровно на секунду дольше, чем нужно.

— Чайник, — сказала она. — Один раз. На, возьми пирог. И зайди к Ване, из соседнего подъезда. Глаза у него в последнее время нехорошие. Завтра я ему ещё напеку, ты отнесёшь.

• • •

В семнадцатой квартире утро (если это можно назвать утром) наступило по-человечески, то есть с воплем. Аркадий проснулся на диване в гостиной, куда его накануне сослали на неопределённый срок, и выскочил в коридор.

— Лена! У меня в голове голос!

— У всех голос, — донёсся из спальни сухой ответ Елены. — А ты что думал, совесть?

— Он говорил с акцентом! Слова русские, а выговор такой, будто их по самоучителю учили. Женский. «Закрыт», «открыт», «канал»...

Тишина в спальне изменила качество. Так затихают перед грозой.

— Женский, — повторила Елена, появляясь в дверях. — С акцентом. И как её зовут?

— Кого?

— Интервал Каналовну! — Елена всплеснула руками. — Закрыт, открыт! Очень удобно, имя сразу с графиком работы!

— Лен, ну при чём тут...

— А двери? «Не делайте новых дверей»! Ты ей что, ключи пообещал?

Аркадий открыл рот, но обнаружил, что возразить на такое физически нечем.

— Лена, — сказал он наконец очень тихо, — а у тебя какой был голос?

Елена запнулась.

— Обычный. Никакой. Как диктор.

— А у меня женский. С акцентом. Понимаешь? Нам сказали одно и то же, а голоса разные.

Елена посмотрела на мужа. Обычно в таких случаях она

смотрела на него как на преступника, пойманного с поличным. Сейчас во взгляде было что-то другое, похожее на испуг, и от этого Аркадию стало не по себе гораздо сильнее, чем от любого скандала.

— Ну и что, — сказала она, но уже без прежнего напора. — Значит, у тебя в голове бабы. Я всегда знала.

И ушла на кухню ставить чайник. Чайник, к счастью, не светился. Аркадий проверял, стоя в дверях.

В восемнадцатой квартире Жанна прилипла ухом к обоям, чтобы не пропустить ни слова, и заодно обнаружила, что проснулась с журналом на лице. Страницы налипли, и на щеке отпечаталась реклама крема от морщин, что Жанна восприняла как личное оскорбление. Голос в голове ей, впрочем, понравился: чёткая дикция, ни одного лишнего слова, прямо ведущий дорогой рекламы. Беспокоила её тушь.

Она потянулась за зеркалом и задела журнал. Тот соскользнул и раскрылся на странице, которую Жанна, готова была поклясться, листала перед сном. Гороскоп. Весы. Как все стильные девушки, Жанна не верила в гороскопы и читала их регулярно.

«Сегодня вы услышите важное. Не перебивайте».

Она перечитала, обвела строчку помадой за неимением ручки и решила, что редакция впервые за годы наняла толкового астролога. Потом прочитала гороскоп для Скорпионов (Аркадий был Скорпион, это она знала точно, однажды подглядела в его паспорт, когда тот оставил его на почто-

вом ящике). «Не оправдывайтесь, вам всё равно не поверят». Жанна ахнула и обвела и это.

На лестнице послышались шаги и шарканье шлёпанцев. Жанна выглянула в глазок: Толян с пирогом в руке стоял у семнадцатой и прислушивался. Жанна приоткрыла дверь.

— Анатолий, — сказала она светским голосом, придерживая халат. — Вы тоже слышали?

— Все слышали, — буркнул Толян. — Ты чего, в помаде вся?

— Это не помада. Это астрология. — Жанна помахала журналом. — Здесь написано, что сегодня я услышу важное. И я услышала. Понимаешь? Они знали.

— Кто знал?

— Редакция!

Толян посмотрел на журнал, на Жанну, на пирог в своей руке и решил, что из всего этого пирог пока самое понятное.

— Ты это, — сказал он, — дверь закрой. Сквозняк.

И пошёл вниз, к выходу, а оттуда в соседний подъезд. Жанна закрыла дверь и долго стояла, прижимая журнал к груди. Потом аккуратно вырвала страницу с гороскопом и положила её в шкатулку, к бабушкиным серёжкам.

• • •

Ивану пробуждение было не в новинку: голова у него болела и до сияния, и после. Но «после» оказалось другого сор-

та. Знакомых волн не было. Был удар, потом голос, потом просто голова, ватная, как чужая.

«Интервал закрыт. Канал открыт. Не делайте новых дверей».

Иван лежал, глядя в потолок, и сочинял диагнозы. Галлюцинация? Препарат давно вышел из организма, да и принимал он его два месяца назад. Передозировка, как известно, не интересуется, закрыт ли интервал. К тому же слово «интервал» в голове человека, который, как и весь мир, десять лет считал эти интервалы, имело вполне конкретный смысл, и смысл этот Ивану не нравился.

Он встал и подошёл к окну. Во дворе стояли люди. Много людей, гораздо больше, чем обычно бывает во дворе в такое время. Стояли поодиночке и группами, кто в куртке, кто в халате, и почти все смотрели вверх. Небо было обычным, серым, без всякого сияния. Но они всё равно смотрели, как смотрят на дверь, из которой только что кто-то вышел. Фонарь у подъезда мигнул белым, раз, другой, и снова загорелся ровно. Кто-то внизу ахнул.

Телевизор показывал на всех каналах одно и то же.

На экране крутили запись с борта МКС. Камера смотрела в иллюминатор, внизу плыла Земля, и на ней одна за другой загорались белые точки, как окна в городе перед праздником. Точки росли, превращались в мячики, мячики сливались, и вскоре вся планета светилась мягким белым, будто её включили изнутри.

— Земля светится... вся, — говорил по-русски командир экипажа, и в голосе у него было что-то детское. — Нежно так. Ребята, а мне чего-то спа...

Запись не оборвалась. Ещё несколько секунд в эфире стоял ровный шум, и в нём, как диктор подчеркнул, пустив фрагмент снова и помедленнее, прорезался голос, ни мужской, ни женский: «...нить... не рвать...»

— Специалисты связывают это с помехами, — сказал диктор тоном человека, которому велели так сказать.

Помехи так не разговаривают. Помехи не делают паузу между «нить» и «не рвать», как делает её тот, кто обращается к кому-то конкретному. Хуже того, голос говорил не в микрофон. Он говорил как будто в голове у микрофона.

Потом показали студию. Там сидели трое: седой академик, молодой человек в модных очках, представленный как «эксперт по энергетической безопасности», и женщина из министерства с причёской, которая выдержала бы ураган. Академик говорил о «массовом синхронном нарушении сна под воздействием неизученного фактора». Эксперт говорил, что энергоснабжение не пострадало и это главное. Женщина из министерства говорила, что ситуация под контролем. Про голос не говорил никто, как будто его не было. Иван отметил это с профессиональным интересом: так врачи не говорят пациенту о том, чего сами боятся.

Иван попытался найти в этом научную закономерность, и тут зазвонил телефон.

— Вано, ты живой? — Толян дышал в трубку так, будто добирался пешком. Он, судя по звукам, и добирался: на заднем плане хлопнула подъездная дверь. — Я весь подъезд оббежал. Клава пирогами обложилась, а у Елены с Аркадием такое творится, что слышно на улице. Жанна в помаде ходит, говорит, ей журнал будущее предсказал. Ты голос слышал?

— Слышал.

— Мужик про двери... — Толян помолчал. — Вано, у меня пиво мигнуло.

— Как мигнуло?

— Белым. Один раз. Как в холодильнике.

Иван подумал, что ещё может мигнуть белым, и ничего приятного не придумал.

— Не пей его.

— Я и не пью! Я полторы минуты как завязал. Ты-то как? Голова?

— Как обычно. — Ложь вышла почти честной: обычного не было вовсе. — Я перед этим был в баре, потом стоял со столбом, потом дошёл до дома и отключился. А дальше вот это.

— В баре, на столбе и в отключке, — подытожил Толян. — Ясно. Я у твоего подъезда стою, но к тебе не пойду, у меня вид не для гостей. Завтра зайду. Принесу чего-нибудь, только не пива. Клава пирогов обещала.

— Толян, — вдруг сказал Иван. — А у тебя голос какой был?

— В смысле?

— Ну, голос. Мужской, женский?

Толян задумался. Иван слышал, как он сопит в трубку.

— Мужик, — сказал Толян. — Только знаешь... какой-то он был усталый. Вежливый, а усталый. Как будто сто раз уже это говорил, а его всё не слушают.

Про точку Иван не сказал ни слова. Толян хранил тайны надёжно, но лишь до первой встречной рюмки, а дело было не в этом: Иван сам ещё не понимал, что именно хочет рассказать.

Едва он положил трубку, телефон мигнул снова. Письмо. Адрес — набор букв, тема пустая, текст из одной строчки:

«Вы уже были у точки. Не подходите второй раз без нити. М.»

Иван хмыкнул снисходительно. Розыгрыш, спам или чей-то фокус: мало ли шутников в сети в день, когда весь мир потерял сознание. Он всё-таки нажал «ответить» и написал: «Кто вы?» Подумал, стёр, написал: «Какой нити?» Стёр и это. В конце концов отправил короткое «?», как отправляют в таких случаях все уважающие себя люди. Через секунду пришёл автоматический ответ: адрес не существует.

— Ну конечно, — сказал Иван телефону. — Кто бы сомневался.

Он полежал ещё немного, перебирая слова. «Точка». Чёрная точка, втягивающая сияние, как воронка воду. Про неё он не рассказывал ни Гаврилову, ни Светочке, ни Толяну, ни

одной живой душе. «Нить». Тот же голос с МКС, «не рвать». Два совпадения за одно утро. Для учёного это уже не совпадение, а повод завести отдельную тетрадку. Тетрадку Иван заводить не стал, слишком болела голова, но мысленно поставил галочку.

Хмыкнуть он хмыкнул, а телефон на всякий случай положил под подушку, поближе к голове, как кладут ключи, которые не хочется потерять.

Знакомые волны боли так и не вернулись. Иван решил, что радоваться рано, и уснул.

Глава 4

Голова болела иначе.

Иван понял это, не открывая глаз, и по привычке приготовился к худшему. Прежняя боль накатывала волнами, как хороший боксёр, который сначала присматривается, а потом бьёт. Сегодняшняя не накатывала и не отступала. Она ровно присутствовала, как гудение холодильника на кухне: пока не прислушаешься, вроде бы и нет, а прислушался — уже не отвяжешься.

Иван полежал, прислушиваясь к ней, как прислушиваются к новому соседу за стенкой. Сосед вёл себя тихо, и это настораживало больше всего.

Телевизор в комнате так и проработал всю ночь. Диктор, небритый и подозрительно бодрый, сообщал, что ситуация находится под контролем соответствующих служб. Каких именно служб и чему они соответствуют, не уточнялось. Ивану вдруг стало жалко диктора.

Он нашёл телефон под подушкой и перечитал письмо. Оно состояло из одной строчки:

«Вы уже были у точки. Не подходите второй раз без нити. М.»

В первый раз он прочёл это со снисходительным недоумением, с каким читают письма нигерийских принцев. Сегодня недоумение стало плотнее. О точке Иван не рассказывал ни-

кому: ни Толяну, ни врачам, ни собственным сотрудникам. Свидетелем эксперимента был только отчёт на закрытом сервере, и открывал этот отчёт лишь сам Иван. Это раз. А два — нить. Ни одна его гипотеза нити не предусматривала. И тот обрывок орбитальной записи, «...нить... не рвать...», тоже был про неё. Совпадение. Хорошее слово для учёного: его всегда произносят с невидимым «пока» на конце.

Спорить с самим собой на голодный желудок Иван не любил, поэтому нашёл в холодильнике полбатона и кефир и, жуя, сформулировал план. План был простой: добыть объективные данные. А получить их, не просясь ни в какой университет, можно было в одном месте, на городской станции поля. Год назад фирма Ивана поставила туда пять комплектов ЭЭГ-шлемов для операторов, «в рамках заботы о персонале», как значилось в договоре. На самом деле заботился Иван о собственной науке: сорок человек, которые каждый день сидят в поле, это готовая диссертация, только некому написать.

В дверь позвонили так, будто дверь была должна звонившему денег.

На площадке стоял Толян. За ночь его фингалы дозрели до благородной синевы с прозеленью. В руках он держал пирог, завёрнутый в полотенце, и откусывал от него, не дожидаясь приглашения войти.

— Вано, ты живой? — спросил он с набитым ртом. — Это тебе. Клава мне под дверь поставила, велела передать. Ска-

зала, у тебя глаза нехорошие. Я говорю: у меня тоже. А она: с обоими разберусь пирогом. Половину я проверил, качество приемлемое.

— Мне нужно на станцию, — сказал Иван.

— Зачем?

— Там мои шлемы.

Толян прожевал и некоторое время смотрел на друга с уважением к чужому безумию.

— Значит, так. Ты был в баре, на столбе и в отключке. Сегодня тебе нужны шлемы. Я правильно улавливаю тенденцию?

— Улавливаешь.

— Тогда я с тобой.

— Зачем?

— Когда ты один, ты думаешь, — рассудительно объяснил Толян. — А когда со мной, ты ругаешься. Для здоровья полезнее.

Против такой аргументации научная мысль была бессильна.

• • •

Маршрутка пришла через сорок минут, хотя обычно ходила через десять. Пассажиры в ней стояли такие тихие, что слышно было, как водитель шуршит сдачей. Никто не разговаривал, никто не смотрел в телефон. Каждый прислушивал-

ся к собственной голове, и у большинства прислушивание выходило озабоченным. Иван впервые за два месяца чувствовал себя почти нормальным человеком.

— Тоска какая, — шепнул Толян, когда они втиснулись у задней двери. — Как в очереди в военкомат. Все чего-то ждут, и никто не уверен, что это к добру.

— Это коллективное похмелье после стресса.

— Своё похмелье я знаю, Вано. Оно другое. — Толян покрутил в воздухе пальцем, подыскивая слово, не нашёл и вернулся к пирогу.

У водителя тихо бормотало радио. Шла реклама: бодрый мужской голос расхваливал новый торговый центр, где «всё для дома, всё для семьи, всё для вас». Потом заиграла весёлая музыка, и тот же голос, не меняя интонации, сказал: «...канал открыт. Скидки до тридцати процентов». Музыка доиграла, началась следующая реклама, про стоматологию.

В маршрутке стало ещё тише, хотя тише, казалось, было некуда. Водитель протянул руку и выключил радио. Никто не возразил.

—Слыхал? — шёпотом спросил Толян.

— Слыхал, — сказал Иван. — Совпадение. Там, наверное, было «канал продаж» или что-нибудь такое.

— Вано, там было «канал открыт».

Иван промолчал. Ему тоже так показалось, и это было хуже всего: когда учёному что-то кажется, ему следует проверить, а проверить было нечем. Радио молчало до самого рын-

ка.

Станция стояла на окраине, за рынком, и снаружи напоминала овощехранилище, которому по недосмотру придали государственное значение. Охранник дядя Миша, видевший Ивана не раз, пропустил обоих без вопросов и добавил вдогонку:

— К Зубову идите, он у себя. Только вы там, это... увидите.

— Что увижу?

— Увидите, — повторил дядя Миша тоном, каким врачи говорят «потерпите».

В диспетчерской над пультом, во всю стену, висело электронное табло. Десять лет оно показывало, сколько осталось до следующего сияния, и операторы то и дело поглядывали на него. Теперь на табло горело ровное «00:00:00», и никто на него не смотрел, как не смотрят на сломанные часы.

Начальник смены Зубов выглядел как человек, которому восьмой час подряд звонят из министерства. Ивана он встретил без радости, но и без возражений. Возражать у него, по-видимому, не осталось сил.

— Шлемы целы, — сказал он вместо приветствия. — Все пять. Только Берёзкину от них никакого толку, ему врач нужен.

— Какому Берёзкину?

— Николаю Степановичу. Оператору. — Зубов потёр переносицу. — Скорая была. Послушали, померили, поцока-

ли. Сказали: глубокий сон, ждите. Забирать отказались: по городу вызовов, как под Новый год, и у всех вроде бы сон.

— А остальные? — спросил Иван.

— Смена была шесть человек. Уснули все сразу, как по команде, кто за пультом, кто в курилке. Проснулись тоже все, с головой, как с перепоя. Кроме него.

— Где он был в момент запуска?

Зубов посмотрел на Ивана внимательнее, чем раньше.

— В поле. Обход по графику: один человек, внутри разметки, у самой установки. Каждые полтора часа, перед возмущением, мы туда кого-нибудь посылаем, датчики проверить. В тот вечер была его очередь.

Ивану сразу захотелось увидеть Берёзкина, но сначала он попросил показать датчики поля, потому что наука приучила его начинать с приборов, а уже потом с людей. Привычка полезная, хотя не всегда симпатичная.

Оператор-наладчик Серёжа, очкарик в футболке «Прокололи и забудь», подвёл их к стойке, где в ряд стояли три одинаковых датчика. Их поставили так нарочно, чтобы один проверял другого. За десять лет они расходились в показаниях на сотые доли процента.

— Вот, — сказал Серёжа. — Первый показывает тихий шум по всему диапазону. Второй показывает пустоту. А третий вообще рисует что-то похожее на кардиограмму. Они у нас всю ночь спорят. Я им диагноз поставить не могу, я электрик.

— Врут? — спросил Иван.

— Не то слово. Только каждый врёт по-своему.

Иван подошёл ближе, чтобы разглядеть шкалы. Через десять секунд (он потом специально вспоминал, сколько) второй датчик подтянул шум до уровня первого, а третий бросил рисовать сердцебиение и вытянулся в такую же ровную линию. Все три согласились. Серёжа снял очки, протёр их и надел обратно.

— Ого. Они вас боятся, что ли?

— Помехи, — сказал Иван голосом лектора. — Совпадение. Самая опасная вещь для учёного — видеть закономерность там, где её нет.

Серёжа посмотрел на него так, как студенты смотрят на преподавателя, читающего с бумажки. Иван отошёл на шаг. Датчики остались согласны друг с другом. Это ничего не доказывало, и настолько ничего, что хотелось закрыть глаза.

• • •

Берёзкина положили в дежурке, на диване, который помнил ещё времена до всяких станций. Рядом на стуле сидела оператор Лидия Андреевна, Лидочка, как звали её все, включая начальство, и держала кружку с давно остывшим чаем. Шлем с датчиками по-прежнему был на голове лежащего.

— Вы говорили, если что, не снимать, — сказала она Ива-

ну вместо «здравствуйте». — Я не снимала.

— Правильно.

— Николай Степаныч. Тридцать два года на сетях. Вышел в смену, анекдоты рассказывал. Пошёл на обход, как всегда. Потом мы все уснули, потом все проснулись. А он нет. Дышит. — Лидочка вздохнула. — Бывает, глаза открывает. Но смотрит не на меня и не мимо. Куда-то в место, где ничего нет.

Иван посмотрел на Берёзкина. Человек как человек: ровное дыхание, нормальный цвет лица, на шее даже остатки летнего загара. Лицо у него было такое, какое получается на снимке, когда щёлкнули, пока человек не успел сделать лицо.

Всё остальное показывал шлем. Иван сел на край стула, взял планшет и открыл запись. Базовая линия, четыре-пять процентов, как у всех. Затем, в тот самый момент, когда по Земле побежали белые мячики, пик на весь экран, до верхнего края шкалы. Такой пик Иван уже видел. Два месяца назад он разглядывал точно такой же на собственном мониторе, после чего свалился без чувств. На этом сходство кончалось. Его график после пика провалился вниз, и сам Иван провалился вместе с ним. А у Берёзкина кривая успокоилась и легла узором спящего человека. Только узор этот повторялся каждые одиннадцать минут, с точностью до секунды, будто кто-то включил запись и вышел из комнаты.

А сам Иван тогда вернулся. Почему? Он перебрал в уме объяснения, от биохимических до мистических, и честно

признал, что вернула его тогда одна конкретная мысль, и мысль была ненаучная. Он очень хотел к маме. Для рецензируемого журнала такой вывод не годится.

— Он поправится? — тихо спросила Лидочка.

Иван хотел сказать «конечно». Любой человек на его месте сказал бы «конечно». Учёный в нём возразил, и они немного постояли в тупике.

— Не знаю, — сказал он. — Шлем не снимайте. И, пожалуйста, не оставляйте его одного.

• • •

Крыльцо станции выходило на пустырь с ржавой беседкой, где когда-то курили, пока курение не запретили вместе с беседками. Иван вышел глотнуть воздуха и остановился: в беседке, прямо на перилах, уже сидела женщина и грызла яблоко.

Ей было лет тридцать, может, чуть больше. Невысокая, в серой куртке с глубокими карманами, в которых при каждом движении что-то негромко звякало. Она оглядела Ивана с головы до ног, быстро и без всякого смущения.

— Не помогает, — сказала она.

— Что не помогает?

— Держаться за голову. Вы держитесь так, будто собираетесь поменять её на лучшую.

Иван отдёрнул руку. Он и не заметил, что держится.

Из двери вывалился Толян, на ходу дожёвывая остатки пирога и сжимая в обеих руках по кружке.

— Вано, у них там чай, я взял. О! — Он увидел женщину и остановился. — Дама. С яблоком.

— Майя Рен, — сказала она. — Для писем — М.

В голове у Ивана что-то сухо щёлкнуло, будто встал на место недостающий кусочек конструктора.

— Это вы написали про точку.

— Я. Надеюсь, дошло.

— Дошло. Откуда вы про неё знаете? Я никому...

— Из вашего отчёта. Сто процентов в момент сияния. Такую цифру трудно не запомнить.

— Отчёт лежал на закрытом сервере.

— Лежал. — Майя откусила яблоко. — Дверь туда открыли до меня. Я только вошла и осмотрелась.

Слово «дверь» Иван слышал сегодня уже не первый раз, и оно ему решительно не нравилось.

— Это называется взлом.

— Это называется «до меня». Кто-то читал ваши данные раньше и внимательнее. Кто, я пока не знаю. Если узнаю раньше вас, сообщу.

— Так, — сказал Толян и аккуратно поставил кружки на перила. — Вано, а я тут кто? Не говорите, сам догадаюсь. Свидетель.

— Друг, — сказала Майя и внимательно изучила его лицо. — Вас били по делу?

— По совокупности, — с достоинством отозвался Толян.

Иван решил вернуть разговор в рабочее русло.

— А вы здесь что делаете?

— То же, что и вы. Смотрю на Берёзкина. Сегодня утром это единственный адрес в городе, где человек лёг и не встал, и при этом работал в поле. Мне нужно было понять, случай это одиночный или первый.

— Вы знаете его фамилию?

— Скорая записывает фамилии. Я читаю то, что записывают. Расследую технопреступления, работа скучная. До недавнего времени в ней были в основном кражи медных проводов и подкрученные счётчики.

Она помолчала и вдруг спросила совсем другим тоном:

— А можно теперь я? Что там было? У точки.

Иван хотел ответить что-нибудь сухое и научное, про резонанс и спектры. Но вместо этого почему-то сказал правду:

— Страшно было. И тянуло. Как в воронку. И ещё... там, за ней, будто что-то гудело. Далеко. Как город ночью.

Майя кивнула. Она не записывала и не переспрашивала, просто кивнула, как кивают, когда услышали то, что и так подозревали.

— Спасибо, — сказала она. — Это важнее, чем вы думаете.

— Что такое нить? — спросил Иван.

— Не знаю. — Она ответила так быстро и просто, что он поверил. — Знаю, где встретила это слово. В приложении

к протоколу запуска на Шри-Ланке. Приложения нет ни в одном официальном перечне. Но оно есть.

— И вы думаете...

— Я ничего не думаю, пока не проверю. Зато вы вернулись. Он нет. — Она кивнула на окно дежурки. — Мне важна разница. У меня две версии, и обе мне не нравятся.

— Какие?

— Скажу, когда одна перестанет нравиться меньше другой.

— Послушайте, — сказал Иван, — я и не собираюсь подходить к точке второй раз.

— Все так говорят, — вздохнула Майя. — А потом наступает вечер, и в голову приходит замечательная фраза: «Ну, если на минутку?»

Она спрыгнула с перил, достала из кармана визитку и протянула Ивану. На белом прямоугольнике были одна буква и номер телефона.

— Это шифр? — спросил Толян, заглядывая через плечо.

— Это экономия, — сказала Майя, кивнула обоим и ушла через пустырь, ни разу не оглянувшись. В карманах у неё звякало ровно через шаг.

• • •

Маршрутку они дожидались на остановке. Иван вертел визитку в пальцах, пока не заметил, что Толян уже минут

пять молчит, а такое с ним случалось редко и, как правило, во сне.

— Ты чего?

— Знаешь, что самое поганое? — сказал Толян, не отрывая взгляда от дороги. — В дежурке тихо. Совсем. Когда человек спит, рядом с ним всё равно что-то шумит, дышит, живёт. А там как в квартире, из которой вынесли мебель. Стены стоят. Хозяина нет.

— Это называется отсутствие акустики, — сказал Иван. — Помещение маленькое, диван звукопоглощающий...

— Вано, это называется «хозяина нет дома».

Иван промолчал. Возразить было нечем, а соглашаться не хотелось. Гудение в голове, ровное, как у холодильника, чуть прибавило громкости. Он списал это на недосып и на кефир.

Глава 5

Жанна не спала полночи, и виновата в этом была вовсе не тревога за судьбы человечества (судьбы человечества волновали Жанну умеренно, примерно как курс юаня), а шкатулка. Шкатулка стояла на тумбочке, и в ней, между бабушкиными серёжками и чеком из бутика, который Жанна хранила на память о лучшем дне в своей жизни, лежала страница с гороскопом. Страница, казалось, светилась. На самом деле светилась уличная реклама за окном, но Жанна предпочитала первую версию.

Около трёх ночи она сдалась, включила лампу и сфотографировала страницу на бархатной подушке. Подумала и переложила на шёлковый шарф: бархат старил. Обведённые помадой строчки вышли на снимке убедительно, как улики в сериале. Подпись Жанна сочиняла сорок минут и остановилась на самой короткой:

«Они знали».

Добавила три восклицательных знака, два убрала (так стильнее), выложила в ленту и уснула счастливой, как человек, который только что сделал что-то важное для истории.

Утром у неё было сорок две тысячи репостов.

Жанна протёрла глаза и посмотрела ещё раз. Стало сорок три. Под фотографией шла такая простыня комментариев, что телефон нагрелся. Писали «мурашки», писали «а у ме-

ня Овен, проверьте Овна», писали «фейк, шрифт не тот» и «шрифт тот, у меня этот номер лежит, щас сфоткаю». Мужчина с аватаркой в виде рыбы требовал объяснить, почему Рыбам написали «странное», и Жанна, ещё не умывшись, полезла в шкатулку.

Рыбам было написано: «Тот, кто спит, слышит. Не будите его».

— Ну, это вообще ни о чём, — сказала Жанна вслух. — Рыбам всегда пишут ни о чём.

Но мурашки почему-то пробежали и по ней.

К девяти позвонили с местного радио. К десяти с какого-то канала в интернете, где ведущий говорил так быстро, что Жанна разобрала только «эксклюзив» и «ваша версия». Версии у Жанны не было, зато был халат с перьями, и в этом халате она дала три интервью подряд, каждое лучше предыдущего. К третьему в её рассказе появилась деталь, что в момент пробуждения журнал «лежал раскрытым именно на гороскопе». На самом деле он лежал раскрытым на креме от морщин. Но крем от морщин не та подробность, которую стильная девушка доверяет прессе.

• • •

Толян узнал о славе соседки из очереди.

Он вышел за кефиром для Вано (пиво в рамках завязки он не брал уже вторые сутки и очень собою гордился) и упёрся в

хвост, который начинался у киоска «Пресса» и заворачивал за угол, к аптеке.

— Чего дают? — спросил Толян у крайней старушки.

— «Шпильку», — ответила старушка, не оборачиваясь. — Ноябрьскую. Там всё написано.

— Так ноябрь ещё не наступил.

— Вот именно, — сказала старушка так значительно, что Толян решил дальше не расспрашивать.

В окошке киоска сидела Валентина, которую весь район звал Валей-газетой. Обычно Валя скучала над сканвордами и торговала в основном сигаретами и жвачкой. Сегодня у неё горели щёки, а над окошком висела табличка, написанная от руки: «"Шпилька" ноябрь — 900 р. Декабрь — НЕТ И НЕ БУДЕТ».

— Валь, она ж по двести была, — сказал Толян, протиснувшись сбоку.

— По двести она была вчера, — ответила Валя с лицом человека, который впервые в жизни понял, как устроена экономика. — Брать будешь или так, смотреть?

— Мне кефир.

— Кефир в магазине, — сказала Валя и захлопнула форточку перед его носом.

Какой-то мужик в спецовке тем временем добрался до окошка, купил журнал, развернул прямо там и громко, на всю очередь, прочёл:

— Козерогам: «Вы давно хотели сменить обстановку. Не

торопитесь». — Он поднял глаза. — Я Козерог. Меня вчера с работы попросили.

Очередь сочувственно загудела и тут же заспорила, знак это или сокращение штатов. Спорили с жаром, как о футболе.

Толян послушал, почесал синяк и пошёл в магазин. Над кассой там висел телевизор. В студии сидели всё тот же эксперт в модных очках и мужчина, которого представили астрологом высшей категории.

Внизу экрана бежала строка: «Минэнерго: ситуация под контролем. Минздрав: просим не принимать решений на основании гороскопов». Вторую фразу Толян перечитал дважды. Если уж Минздраву пришлось такое писать, значит, дело плохо.

У подъезда его перехватила баба Клава. Она стояла с сумкой и, судя по всему, ждала именно его.

— Толечка, на, — она сунула ему свёрток. — Ване. С капустой, он с капустой любит. А это тебе, с вареньем.

— Тёть Клав, видали, что творится? Жанка-то наша в интернете...

— Видала. У неё под дверью с утра двое стоят, с камерой. — Баба Клава помолчала и добавила, глядя куда-то мимо Толяна, во двор: — Жанке скажи. Не всё, что сбылось, правда. А что правда, то не всегда сбывается. Запомнишь?

— Запомню, — пообещал Толян, точно зная, что с первого раза не запомнит. — А к чему это?

— А я почём знаю, — удивилась баба Клава. — В голову пришло. Иди, остынет.

• • •

Иван доедал пирог с капустой, когда в дверь позвонили. Звонок был незнакомый, короткий и требовательный, с какой-то парфюмерной интонацией. Толян пошёл открывать с видом человека, который знает, что сейчас будет.

На пороге стояла Жанна, в полной боевой раскраске и с прозрачной папкой в руках. В папке лежал журнал.

— Иван, — сказала Жанна, — вы учёный. Мне нужно научное заключение.

— О чём?

— Об этом. — Она потрясла папкой. — Меня в эфире спросили, что говорит наука. Я сказала, что как раз консультируюсь с ведущим нейробиологом города.

— Я не ведущий.

— Вы единственный, которого я знаю, — честно ответила Жанна. — Значит, ведущий.

Жанна села на краешек дивана, как садятся на приёме у врача, и бережно извлекла журнал. Вырванная страница лежала отдельно, в собственном файлике.

Иван посмотрел на обложку и улыбнулся впервые за два дня.

— Жанна, вы видите, какой это номер?

— Октябрьский. Я его в октябре купила.

— Тут написано «ноябрь».

Жанна наклонилась. В правом верхнем углу, мелко, под ценой, действительно стояло: «Ноябрь».

— И что это значит?

— Что журналы всегда выходят с датой на месяц вперёд. Так принято, чтобы на прилавке подольше выглядели свежими. Ваш журнал из будущего ровно настолько, насколько из будущего любой глянец в любом киоске.

Жанна посмотрела на него, как смотрят на человека, который на детском утреннике рассказывает, что Деда Мороза играет физрук.

— Иван, — произнесла она ледяным голосом. — Вы хотите сказать, что это маркетинг?

— Дата на обложке — маркетинг. А текст... — Иван открыл файлик и прочёл обведённое: «Сегодня вы услышите важное. Не перебивайте». —Такой текст подходит любому. Напиши там «сегодня вы купите шубу», половина страны тоже нашла бы совпадение.

— Половина страны не покупает шубы каждый день, — заметила Жанна.

— А вы?

Жанна вспыхнула. Толян, стоявший в дверях с кружкой, хрюкнул в чай и сделал вид, что поперхнулся.

Иван собирался закрыть файлик и выдать окончательное заключение, но взгляд зацепился за соседний столбец. Рыбы.

«Тот, кто спит, слышит. Не будите его». Ниже, у Водолея: «Вам кажется, что вы одни. Это ненадолго». У Тельца: «Не открывайте того, что не можете закрыть».

— Что? — Жанна мгновенно учуяла перемену. — Что вы там увидели?

— Ничего. Стиль странный.

— У них всегда стиль странный, это ж астрология.

Странным был ритм. Короткая фраза, потом просьба с «не». Вежливо, ровно, без единого лишнего слова. Этот ритм Иван знал. Теперь его знали, кажется, все восемь миллиардов: «Интервал закрыт. Канал открыт. Не делайте новых дверей». Только гороскопы для ноябрьского номера писали, самое позднее, в сентябре, когда о каналах никто и не слыхал.

Жанна, пока он молчал, успела оглядеть комнату и остановилась на журнальном столике. Там, между кружкой и пустым пакетом из-под кефира, лежала визитка: белый прямоугольник с одной буквой и номером.

— «М.», — прочитала Жанна, и научная экспертиза немедленно отошла на второй план. — Иван. Кто такая «М.»?

— Почему вы решили, что «такая»?

— Потому что мужчины пишут на визитках фамилию, должность и три телефона. А одну букву пишет только женщина, которая хочет, чтобы о ней думали. — Жанна прищурилась. — Красивая?

— Она журналист.

— Значит, красивая, — заключила Жанна и посмотрела на Толяна за подтверждением.

— С яблоком, — подумав, уточнил Толян.

В этот момент у Ивана зазвонил телефон. Номер на экране совпадал с номером на визитке. Жанна увидела это раньше Ивана, и глаза у неё стали размером с обложку.

• • •

— Вы смотрите новости? — спросила Майя без приветствия.

— У меня новости сидят на диване, — сказал Иван, уходя на кухню. — Откуда у вас мой номер?

— Из вашего отчёта. Вы его подписали, с телефоном. Учёные всегда подписываются с телефоном, это трогательно. — Судя по звукам, Майя шла по улице и что-то жевала. — Вся страна читает гороскопы. Девяносто девять процентов этого шум. Людям хочется, чтобы мир был понятным, а гороскоп понятнее голоса в голове.

— Согласен.

— Не торопитесь. Остаётся один процент. «Шпильку» делают у нас, в городе. Я с утра была в редакции, пока там не собралась толпа. Гороскопы пишет одна женщина, Галина Петровна Сушкова, псевдоним Аделаида Звёздная. Она не помнит, как писала ноябрьские.

— Совсем?

— Совсем. Уснула ночью за компьютером, в редакции, перед сдачей номера. Проснулась, а текст готов. Решила, что написала в полусне, и сдала. Я посмотрела свойства файла: сохранён двадцать третьего сентября в два часа сорок одну минуту ночи. И проверила по архиву станции. В два сорок одну было сияние.

Иван молчал. В комнате Жанна что-то уронила, судя по звуку, нарочно, чтобы был повод подойти поближе к кухне.

— Минута в минуту? — спросил он.

— Минута в минуту. И ещё. Через час после меня в редакцию пришли двое, вежливые, в костюмах. Показали бумагу от некой «межведомственной рабочей группы по стабильности поля» и забрали системный блок на экспертизу. Акт оставили. Подпись неразборчивая.

— Значит, файла больше нет.

— Файл есть. У меня. Я просто пришла раньше. — Майя помолчала. — Галина Петровна сейчас дома. Мне нужен человек, который понимает, что бывает с тем, кто спит рядом с полем. Приедете?

• • •

Галина Петровна жила в пятиэтажке за школой, где тридцать лет преподавала физику. Астрологию она называла приработком, произносила это слово без малейшего стыда и уго-

щала гостей сушками. Квартира была маленькая и книжная, на подоконнике росли фиалки и стоял телескоп, который, судя по пыли, давно уже смотрел только в окна соседнего дома.

Майя сидела на табуретке у окна. Ивана она встретила кивком, Толяна коротким взглядом, в котором читалось «а, этот».

— Я вам честно скажу, молодой человек, — начала Галина Петровна, разливая чай. — В звёзды я не верю. Я физик. Звезда — это термоядерный синтез, советов она не даёт. Но людям нравится, журналу нравится, а мне пенсии на фиалки не хватает. Пишу я по-доброму: «звёзды советуют», «удачный день для», «обратите внимание». Вреда никакого.

— А эти? — Иван положил на стол страницу. Жанна отдала её, взяв клятву вернуть «в том же виде, это теперь история».

Галина Петровна надела очки и поджала губы, как над чужой контрольной.

— Вот, видите? Это не мой слог. Я никогда не пишу «не». Это непедагогично: скажи человеку «не делайте», он как раз и сделает. Я пишу «попробуйте воздержаться». А тут «не будите его». Кого? Зачем? — Она сняла очки. — Номер в ту ночь горел, я задержалась. Компьютер у них старый, сидишь, как у печки. Помню, сделала чаю, глянула на часы: скоро засветит, надо бы перерыв. А дальше ничего. Проснулась утром лицом на клавиатуре, а файл набран и сохранён. Римма, главный редактор, ещё похвалила: «Галя, вы превзо-

шли себя, очень лаконично». Я и подумала: в полусне, с кем не бывает.

Иван вспомнил полстраницы буквы «ж» на собственном мониторе и подумал, что с ним, например, бывало.

— Вы что-нибудь помните? Сон, ощущение?

Галина Петровна долго молчала. Толян перестал грызть сушку.

— Помню, что было людно, — сказала она наконец. — Как будто я в большом городе ночью. Все спят, а окна горят. И кто-то рядом, кто очень устал. Ему надо, чтобы его услышали, а записать некому. — Она смутилась. — Вы только в журнал это не пишите, засмеют.

Иван смотрел в чашку, на одинокую чаинку. Про город ночью он вчера сказал на крыльце станции, Майе, и больше никому. Не пересказала ли Майя? Он поднял глаза: Майя смотрела на старую учительницу так, будто сама слышала это впервые, и забыла донести до рта сушку.

— Галина Петровна, — спросил он осторожно, — где стоит редакционный компьютер?

— У окна. А под окном трансформаторная будка, новая. Её от станции протянули, когда весь район на поле перевели. Гудит, как пасека.

Толян тихо присвистнул. Майя впервые за обе их встречи достала блокнот.

В прихожей Галина Петровна вдруг взяла Ивана за рукав.

— Молодой человек. Римма звонила. Хотят декабрьский

гороскоп, срочно: тираж допечатывают, на нас вся страна смотрит. Деньги предлагают такие, что мне на фиалки до конца жизни хватит. — Она понизила голос. — А я боюсь садиться за компьютер. Вдруг опять? Что мне делать?

На этот случай учебников не было. Учёный в Иване хотел сказать: продолжайте наблюдения и записывайте результаты. Человек победил с небольшим перевесом.

— Пишите от руки, — сказал он. — Днём, на кухне. И по-доброму, как вы умеете.

— «Звёзды советуют попробовать воздержаться», — улыбнулась Галина Петровна.

— Именно.

• • •

На улице Майя застегнула куртку до подбородка, и в карманах у неё звякнуло.

— Издатель «Шпильки» входит в медиахолдинг, — сказала она, глядя поверх крыш. — Среди учредителей холдинга есть фонд, который финансировал установку на Шри-Ланке. Совпадение.

— Конечно, — сказал Иван.

— Конечно. Я поэтому и говорю «совпадение». Чтобы вы не подумали, будто я что-нибудь думаю.

Она пошла к остановке, но через три шага обернулась.

— Передайте вашей соседке в перьях, пусть перестанет

давать интервью. Сегодня она весёлая история. Завтра может стать свидетелем. Это разные жанры.

• • •

Вечером Жанна смотрела телевизор, а в телевизоре была Жанна. Местный канал крутил её интервью в пятый раз, а федеральный показал её снимок в сюжете про «информационную эпидемию», между министром и рекламой стирального порошка. Шёлковый шарф смотрелся великолепно. Жанна была счастлива ровно четыре минуты. Потом вспомнила, что Толян передал ей от бабы Клавы, а следом и слова Майи, которые Толян тоже передал, только сильно своими словами: «Тётка с яблоком сказала, чтоб ты не высовывалась, а то засветишься».

Жанна выключила звук и посмотрела на шкатулку. Шкатулка стояла пустая, страница так и осталась у Ивана. И Жанна вдруг поняла, что не очень хочет, чтобы он её возвращал.

Иван в это время сидел на кухне с тетрадкой. Купил он её по дороге домой у Вали-газеты, обычную, в клетку, за двадцать рублей. На обложке Иван написал «Совпадения», подумал и приписал сверху мелко: «пока».

Внутри он записал столбиком:

«Точка. Нить. "Не рвать". Голос: "Не делайте новых дверей". Гороскоп, 23.09, 02:41, время сияния: "Не перебивайте", "Не будите его", "Не открывайте того, что не можете за-

крыть". Ритм тот же. Автор текста спал у трансформатора и видел "город ночью". Берёзкин спит, узор каждые 11 минут. "Тот, кто спит, слышит"».

Последнюю строчку он обвёл, как Жанна обводила помадой, только ручкой. Гул в голове, ровный, как холодильник, чуть прибавил громкости, и впервые Иван не стал списывать это на кефир.

Глава 6

На третье утро после пробуждения Аркадий принёс жене кофе в постель.

За четырнадцать лет брака такого не случалось ни разу. Однажды, в первую годовщину, он принёс ей в постель пульт от телевизора, и Елена до сих пор вспоминала это как самый романтический эпизод их совместной жизни. А тут чашка на блюдце, рядом печенье, разложенное веером, и три розы в банке из-под огурцов.

Елена посмотрела на розы, потом на мужа. Аркадий стоял у кровати в выглаженной рубашке и улыбался. Улыбка была приятная, ровная и какая-то не своя, будто её взяли напрокат.

— Доброе утро, дорогая, — сказал он. — Кофе со сливками, как ты любишь.

Елена любила без сливок. Аркадий знал это четырнадцать лет и четырнадцать лет покупал сливки себе.

— Где ты взял розы в семь утра?

— У метро. Там бабушка. Она сказала: «Возьмите три, это выгодно».

— И ты взял.

— Согласись, это выгодно, — сказал Аркадий.

Елена отпила кофе, чтобы выиграть время. Кофе был хороший. Это пугало отдельно.

Опыт подсказывал ей простое объяснение. Мужчина с розами в семь утра виноват, вопрос только в чём. Вчера ей на глаза попалась страница из журнала, которую Жанна из восемнадцатой показывала всему подъезду: Скорпионам, то есть Аркадию, звёзды советовали не оправдываться, потому что всё равно не поверят. Елена тогда хмыкнула. Теперь решила, что звёзды, в общем, разбираются в мужчинах.

— Аркаша, — сказала она ласково, как говорят с собакой, которая что-то съела. — Сядь. Рассказывай.

— Что рассказывать, дорогая?

— Кто она.

Аркадий сел на краешек кровати и посмотрел на жену с вежливым участием.

— Никого нет, Лена. Ты же знаешь.

И всё. Он не закричал, что это Михалыч. Не напомнил про грыжу и трёх внуков, не хлопнул дверью и не ушёл на диван. Четырнадцать лет Аркадий оправдывался громко, путано и с размахом, как оправдываются только невиновные. Сейчас он сидел и улыбался.

Елене стало холодно, хотя батареи грели исправно: кто бы ни правил миром, отопление от поля работало как часы.

Она решила проверить.

— Аркаша. Давай продадим твой гараж и купим мне шубу.

Гараж Аркадий любил больше, чем тёщу, футбол и, по подозрениям Елены, её саму. В гараже стоял «жигулёнок»

его отца, не заводившийся с прошлого десятилетия, а также кресло, радиоприёмник и смысл жизни. Однажды Елена предложила выбросить из гаража старую покрышку, и Аркадий не разговаривал с ней четыре дня.

— Конечно, дорогая, — сказал Аркадий. — Согласись, это выгодно.

Чашка в руке у Елены звякнула о блюдце.

• • •

Толян открыл дверь в трусах и с полотенцем на шее. Утро у него шло по новому распорядку: завязка, зарядка, кефир. Распорядок держался третий день, и Толян относился к нему, как к хрупкому растению.

— Толя, — сказала Елена. — Ты здоровый. И у тебя друг учёный.

— Здоровый, — подтвердил Толян. — А что случилось?

— С Аркашей беда. Он со мной во всём соглашается.

Толян почесал синяк, который уже сошёл до приличного жёлтого.

— Лен, может, это... ну... наоборот, счастье?

— Толя, — тихо сказала Елена, — он гараж согласился продать.

Толян выпрямился. Он знал Аркадия двадцать лет и знал его гараж. Однажды вместе со всем двором тянул оттуда «жигулёнок» на тросе, чтобы показать машине солнце. Ар-

кадий тогда плакал. Сказал, что от выхлопа.

— Иду, — сказал Толян и пошёл звонить Вано, не снимая полотенца.

• • •

Иван пришёл через полчаса с сумкой, в которой лежал переносной шлем: облегчённая модель его фирмы, двенадцать электродов, планшет и неистребимый запах резины. Сумку он нёс так, как врачи прошлого носили чемоданчик, и ему было немного неловко от этого сходства.

Аркадий встретил их в прихожей, вежливо пожал обоим руки и предложил чаю. Толяна, которого он обычно приветствовал словами «а, явился», он назвал Анатолием и спросил, как здоровье. Толян от неожиданности ответил «спасибо, ничего», и они какое-то время смотрели друг на друга, как два человека, перепутавшие пароль.

— Видите? — шепнула Елена. — Он такой с утра.

— Что ещё изменилось? — спросил Иван.

Елена подумала.

— Говорит правильно. Раньше он говорил «звóнит», я его поправляла, он злился. А сегодня мама позвонила, и он: «Лена, тебе звони́т». И «тóрты» правильно. И «включи́т». — Она понизила голос. — Как по самоучителю.

Иван вспомнил, что Аркадий в первое утро описывал голос в голове точно так же. Слова русские, а выговор по са-

моучителю.

Аркадий позволил надеть на себя шлем с той же вежливой готовностью, с какой согласился бы, наверное, на пересадку почки. Сел в кресло, сложил руки на коленях. Иван запустил запись. Базовая линия была как у всех, четыре-пять процентов совпадения со спектром поля, ничего особенного. Ровный, спокойный, немного сонный мозг человека, которому не о чем волноваться.

— А как вы себя чувствуете, Аркадий? — спросил Иван.

— Хорошо, спасибо. Голова ясная. Мне легко.

— А голос? Вы его ещё слышите?

Аркадий улыбнулся.

— Иногда. Она подсказывает.

— Кто — она?

— Ника, — просто сказал Аркадий.

Елена издала звук, какой издаёт чайник за секунду до свистка.

— Какая ещё Ника?!

И тут на полке под телевизором засветилось синее кольцо.

Колонку Иван сначала не заметил. Небольшой матовый цилиндр, похожий на стакан для карандашей, с надписью «Ника» и логотипом «Энергосбыт-Плюс». Такие летом раздавали абонентам бесплатно, «в рамках пилотной программы "Умный дом на поле"». Помнил Иван это смутно: в рекламе молодая семья разговаривала с цилиндром, цилиндр заказывал им пиццу и рассказывал о погоде, а все смеялись.

Смеялись, впрочем, и в интернете, только по другому поводу. Голос у «Ники» синтезировали, и вышел он с лёгким акцентом непонятного происхождения, как у иностранки, которая очень старательно учила русский по старым учебникам. Летом это была главная шутка сезона.

— У вас заканчивается кофе, — сообщила «Ника» мягким женским голосом. — Заказать? Согласитесь, это выгодно.

Аркадий начал подниматься с кресла.

На планшете в этот момент произошло то, чего Иван не ждал. Совпадение спектров подскочило с пяти до одиннадцати процентов и запульсировало, вспыхивая ровно в такт синему кольцу. Колонка замолчала, кольцо погасло, и кривая опустилась обратно.

— Сидите, Аркадий, — сказал Иван, стараясь говорить спокойно. — Кофе подождёт.

Аркадий послушно сел. Он слушался всех.

— Это она, — прошептала Елена. Она смотрела на колонку, как смотрят на соперницу, которая оказалась моложе, чем рассказывали. — Это её голос. Интервал Каналовна. Я ж говорила, у тебя бабы в голове. А у тебя там не баба. У тебя там стакан.

— Лена, давайте тихо, — попросил Иван.

— Не буду я тихо!

Елена шагнула к полке и с треском выдернула шнур из розетки. Колонка, к счастью, была обычная, сетевая: поле ра-

ботало на станции, а не в гостиной, и без шнура «Ника» превращалась в стакан для карандашей. Синее кольцо погасло навсегда.

Аркадий моргнул. Потом моргнул ещё раз, медленнее. Потом посмотрел на свои руки, сложенные на коленях, на шлем, на Ивана, на Толяна с полотенцем на шее.

— Лена, — сказал он хрипло. — А чего это я в рубашке? И почему Толян в полотенце? И что у меня на голове?

— Аркаша?

— Ну а кто? — Аркадий снял шлем и с подозрением его осмотрел. — Вы чего тут собрались? Это чего, консилиум? Лен, ты опять?

Елена всплеснула руками, и Иван на секунду испугался, что сейчас начнётся очередной скандал. Но Елена вместо этого бросилась мужу на шею и разрыдалась так, что Толян отвернулся к окну из деликатности.

— Ты чего? — растерялся Аркадий. — Лен. Ну Лен. Я ничего не сделал.

— Сделал! — рыдала Елена. — Ты гараж продать согласился!

Аркадий застыл.

— Я? Гараж?

Лицо у него стало белое, как у человека, которому сообщили, что пока он спал, кто-то распоряжался его жизнью. В сущности, так оно и было.

• • •

На кухне Иван показывал запись. Аркадий, в майкеи с сигаретой, которую ему разрешили по такому случаю, мрачно смотрел на планшет.

— Не помню, — повторял он. — Помню, утром проснулся, а в голове кто-то говорит: «Вашей жене будет приятно». Ну, я и подумал: правда, будет приятно. Пошёл за розами. Бабка у метро говорит: «Возьмите три». А в голове: «Согласитесь, это выгодно». И всё. Дальше как в тумане. Как будто я есть, но меня ведут. Вежливо так.

— Вы часто разговаривали с колонкой? — спросил Иван.

Аркадий покосился на жену.

— Ну... бывало. Когда на диване ночевал. Спросишь погоду. Анекдот. Музыку тихонько. Она отвечает. Ты ж не разговариваешь, а она отвечает. — Он смутился. — Лен, только не начинай.

Елена не начала. Она сидела рядом и держала его за руку, как держат перила в незнакомом подъезде.

Иван сложил то, что знал, в одну конструкцию. Во время сияния голос услышали все, и каждый в своём исполнении: у Толяна прораб, у Клавы Петя. Мозг облекал сигнал в знакомый тембр, как подбирают знакомое лицо для сна. Аркадий в ту ночь спал на диване, в метре от колонки, с которой месяц разговаривал по ночам от одиночества. Его мозг взял

голос, который знал лучше всех. Пока объяснение выходило невинным. Невинным не было другое: выбранный голос, похоже, остался открытым, как окно, через которое теперь можно говорить. И колонке было что сказать.

— А если я её обратно включу? — вдруг спросил Аркадий. — Ну, чисто проверить.

— Только через мой труп! — сказала Елена. — В переносном смысле, — добавила она, поймав взгляд Толяна.

В дверь постучали. На пороге кухни стояла Жанна, в спортивном костюме и без макияжа, что само по себе было тревожным знаком. В руках у неё был пакет.

— Я всё слышала, — сказала она. — Через стенку. Я не подслушивала, у нас просто стены такие.

— Стены у нас прекрасные, — с горечью сказала Елена.

— Под дверью опять камера, — сообщила Жанна. — Я им сказала «без комментариев». Мне одна знакомая Ивана посоветовала. Через Анатолия. — Она протянула пакет Ивану. — Это моя. Я её не включала с той ночи. Как Скорпиону про оправдания написали, так и не включала. Заберите, пожалуйста. Я её боюсь.

В пакете лежал такой же цилиндр с надписью «Ника».

— У бабы Клавы тоже такая есть, — сказал Толян. — Она на ней салфетку держит. В розетку не втыкала ни разу. Говорит, Петя бы не одобрил.

Иван подумал, что Петя, судя по всему, был человеком дальновидным.

• • •

Майя перезвонила через сорок минут после его сообщения. Иван вышел на лестницу, где пахло чужими котлетами и чьим-то табаком.

— «Ника», — сказала Майя без предисловий. — Сорок тысяч штук в нашем городе. Ещё столько же в семи других. Раздавали летом через энергосбытовые компании, бесплатно, тем, кто согласился на «мониторинг самочувствия абонентов». Ваш дом в списке пилотных адресов.

— Мониторинг самочувствия?

— Так в договоре. Мелким шрифтом, на четвёртой странице. Никто не читает четвёртую страницу. — Майя помолчала. — Я поискала по форумам. В трёх городах люди пишут, что голос в ночь сияния у них был женский и с акцентом. Все пишут в шутку. Почти у всех стоит «Ника». Двое пишут, что потом купили то, что им совсем не было нужно. Один купил абонемент в бассейн, хотя не умеет плавать. Смешно.

— Не очень.

— Не очень, — согласилась Майя. — Теперь самое интересное. Кто надзирал за пилотной программой, как по-вашему?

Иван уже знал ответ, но всё равно спросил.

— Кто?

— «Межведомственная рабочая группа по стабильности поля». Документы датированы июнем. Я вчера думала, что эти люди появились после пробуждения, чтобы забирать системные блоки. А они существовали задолго до. И уже тогда ставили в квартиры то, что разговаривает.

На лестнице хлопнула чья-то дверь. Иван машинально посмотрел вниз, в пролёт.

— Две колонки у меня, — сказал он. — Одна выключена в розетке, вторая вообще не включалась.

— Не включайте, — быстро сказала Майя. — И не отдавайте никому. Особенно вежливым людям в костюмах. Я приеду.

— Когда?

— Когда буду уверена, что за мной никто не едет, — сказала Майя и отключилась.

• • •

Домой они шли через двор. Пакет с двумя «Никами» нёс Толян, на вытянутой руке, как носят ведро с чем-то, что может выплеснуться.

— Вано, — сказал он у качелей. — А у тебя такой нет?

— Нет. Я рекламу не выношу.

— Повезло. А у мамы нет, точно знаю. У мамы Муська. Муська ей и так всё подсказывает: когда кормить, когда гладить, когда в выходные позвонить сыну.

Он прошёл ещё несколько шагов и остановился.

— Знаешь, что самое поганое? Не что он соглашался. А что ему хорошо было. Он же сам сказал: «Мне легко». — Толян посмотрел на пакет. — Вот скажи мне кто-нибудь в голове вежливо: «Толя, не пей». И я б не пил. И мне было бы легко. Я, может, и сам бы согласился, Вано. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Иван. — Поэтому и страшно.

Иван думал о том же, только словами из учебника. Можно не запрещать, не грозить и не бить. Достаточно вовремя сказать человеку, что так будет выгодно, и голосом, которому он привык доверять. Люди в костюмах, похоже, поняли это раньше, чем кто-либо успел испугаться.

Дома Иван, не найдя научного обоснования, сунул пакет в морозилку, между пельменями и забытым с весны горошком. Там было тихо и темно, и это казалось правильным.

— В фольгу ещё замотай, — посоветовал Толян. — Как тот мужик с плаката.

— Какой мужик?

— Ну, по телеку, перед проколом. В шапке из фольги, «Конец близок». Мы над ним все смеялись.

Иван закрыл морозилку и некоторое время стоял, держась за ручку. Смеяться над мужиком в фольге ему почему-то больше не хотелось.

• • •

Вечером в семнадцатой квартире был скандал. Первый за три дня, громкий, с упоминанием Михалыча, грыжи, внуков, тёщи и того случая на свадьбе у двоюродной сестры. Жанна за стенкой слушала, как слушают оперу: с закрытыми глазами и чувством глубокого облегчения. Скандал означал, что Аркадий снова Аркадий. Он спорил громко, путано и с размахом, ни с чем не соглашался и дважды назвал звонок «звóнит». Елена дважды его поправила, оба раза со слезами на глазах.

Кончилось всё тем, что Аркадия не отправили на диван. Это было впервые за месяц, и Аркадий, кажется, был тронут больше, чем от роз.

Ночью Елена проснулась от того, что муж разговаривал во сне. Говорил он тихо, почти ласково, и очень правильно, как по самоучителю, с лёгким, едва уловимым чужим выговором.

— Согласитесь, — сказал Аркадий в темноту. — Это выгодно.

Елена долго лежала и смотрела в потолок. Колонка стояла в пакете у Ивана в соседнем подъезде, выключенная и замолчавшая. Шнур от неё Елена унесла на балкон и спрятала в банку из-под огурцов, на всякий случай. А голос, выходит, остался.

Она обняла мужа покрепче, будто его могли увести прямо из-под одеяла, и решила, что завтра снова будет с ним ругаться. С утра. Просто чтобы он не соглашался.

Глава 7

На четвёртый день после пробуждения баба Клава перехватила Ивана у почтовых ящиков. В одной руке у неё был пирог в полотенце, в другой ключи, и по тому, как она держала и то и другое, было видно, что ждёт она давно.

— С капустой, — сказала она и вручила пирог. — А в большой магазин сегодня не ходите. Там сквозит.

Иван как раз собирался в большой магазин. Точнее, в торговый центр «Для вас» на проспекте, тот самый, который хвалили по радио между стоматологией и словами «канал открыт». Там ему назначила встречу Майя. Сообщение пришло вчера вечером и было коротким, как всё у неё: «Завтра, 14:00, ТЦ "Для вас", фудкорт. Возьмите обе. В толпе хвоста не видно». Иван тогда подумал, что хвосту в толпе тоже ничего не видно, и от этой мысли ему почему-то стало спокойнее.

— Откуда вы знаете, что я туда собрался?

— Ничего я не знаю, — обиделась Клава. — Я про сквозняк говорю. У меня колено с утра. А колено, Ваня, врать не станет, оно у меня с шестьдесят какого-то года.

Она ушла к себе, а Иван ещё постоял у ящиков с пирогом, пытаясь понять, что именно ему сейчас сказали. В тетрадке «Совпадения (пока)» не было графы для колена. Он решил завести.

• • •

Толян пошёл с ним, потому что его никто не звал.

— Четвёртый день, — сообщил он в маршрутке и предъявил бутылку кефира, как предъявляют удостоверение. — Организм в шоке. Ночью проснулся, лежу и думаю о жизни. Раньше я так не делал. Раньше я просто лежал.

Колонки ехали с ними. Толян настоял, чтобы их не вынимали из морозилки просто так, а переложили в сумку-холодильник, которую его мама возила на дачу под котлеты. «Мало ли, — сказал он. — Вдруг они от тепла оживут. Как мухи весной». Иван спорить не стал. Научного смысла в этом не было никакого, зато сумка была удобная, с ремнём. Теперь она стояла у Толяна в ногах, и две «Ники» лежали в ней рядом с забытым аккумулятором холода в форме улыбающейся морковки.

На плече у самого Ивана висела сумка с переносным шлемом. За последние дни он перестал с ним расставаться, как некоторые не расстаются с зонтом: пользы мало, а без него неуютно.

Торговый центр «Для вас» открылся прошлой осенью и с тех пор считался лучшим местом в городе, чтобы ничего не купить. Четыре этажа, фонтан, два эскалатора и огромный экран над входом, на котором круглые сутки улыбалась молодая семья. Энергия ничего не стоила, и светилось здесь

всё, что могло светиться, и кое-что из того, что не должно было. Ивану показалось, что подсвечены даже урны.

Народу было много. Первые дни после пробуждения люди сидели по домам, а на четвёртый, видимо, устали бояться и пошли туда, где светло, тепло и играет музыка. Фудкорт гудел. Толян остановился у входа, втянул носом воздух, пахнувший картошкой фри и шаурмой, и потемнел лицом.

— Вано. Там пиво разливное.

— Я вижу.

— Я просто сообщаю. Как факт.

Они заняли столик у перил, откуда был виден фонтан и почти весь первый этаж. Майи ещё не было. Толян посадил сумку-холодильник на соседний стул, как сажают ребёнка, и принялся изучать меню с лицом человека, которого пытают.

Иван смотрел вниз. Возле фонтана шёл охранник, немолодой и грузный, в чёрной форме с надписью «Охрана» на спине и с рацией на плече. Шёл он неторопливо, вдоль витрин, мимо эскалатора, мимо фонтана и снова к витринам. Иван машинально глянул на часы, как глядят на вокзале. Было без восьми два.

— Ты чего? — спросил Толян.

— Ничего. Охранник ходит.

— Им за это платят, — сказал Толян. — Я бы тоже ходил. Если бы мне за это платили и не давали пива.

• • •

Майя появилась без пяти, с подносом, на котором стояли стакан чая и пирожок. Села так, чтобы видеть оба эскалатора, и только после этого поздоровалась.

— Вы с пирогом, — заметила она, глядя на полотенце. — Я с пирожком. Надо было договориться.

— Это от соседки. Она сказала сюда не ходить. Тут сквозит.

Майя подняла глаза к потолку, где ровно гудели кондиционеры.

— Сквозит, — согласилась она. — Где колонки?

Толян с достоинством постучал по сумке.

— Охлаждены. Согласно инструкции.

— Какой инструкции?

— Моей.

Майя посмотрела на него так, как смотрят на собаку, которая вдруг сказала что-то разумное, и, похоже, решила в это не вникать.

— У меня две новости, — сказала она. — Первая скучная. В руки я колонки не возьму. Внизу камера хранения, ячейку я сняла, ключ отдам вам, а заберу потом сама. Вторая хуже. Я посмотрела, что записывала скорая за эти дни. В первые сутки по городу было сорок два вызова «глубокий сон, ждите». Проснулись все, кроме Берёзкина. Это хорошо.

Плохо другое. В соседней области было двое таких, как он. Сегодня утром оба вызова из базы пропали. Их не закрыли. Их просто нет, как не было.

— Кто-то чистит, — сказал Иван.

— Кто-то очень аккуратно чистит. — Майя отпила чаю. — Но пока все случаи одинаковые. Человек в момент сияния был в поле. Если так и останется, это беда для операторов, их по стране несколько тысяч. Для всех остальных это пока не беда.

Внизу охранник снова поравнялся с фонтаном. Иван посмотрел на часы. Было три минуты третьего.

— Иван? — сказала Майя.

— Подождите.

Охранник шёл тем же шагом, что и одиннадцать минут назад. Рация на плече у него шипела и что-то спрашивала, а он не отвечал. У витрины с обувью он чуть повернул голову, как поворачивают на привычный звук, и прошёл дальше. Остановился у эскалатора ровно там, где останавливался в прошлый раз, постоял и двинулся к витринам.

— Одиннадцать минут, — сказал Иван. — Он проходит круг за одиннадцать минут.

— Кто? — Толян повернулся к перилам.

Майя поняла первой. Она уже вставала.

• • •

У фонтана стояли двое: молодой охранник с бейджиком «Дмитрий» и уборщица в синем халате, с тележкой, на которой ехали швабра, ведро и пакет с семечками. Оба смотрели вслед старшему товарищу с одинаковой растерянностью.

— Валерий Палыч с часу так ходит, — сказал Дмитрий, когда Иван спросил. — Мы ему по рации, а он молчит. Думали, обиделся.

— Ничего он не обиделся, — сказала уборщица. — Я, Дима, тебе сколько раз говорю: он в будке после обеда задремал. Я мимо шла, гляжу: спит. Ну и слава богу, думаю, мужик третью ночь глаз не смыкал.

— Почему не смыкал? — спросил Иван.

Уборщица посмотрела на него внимательно, как смотрят на покупателя, который спрашивает, свежий ли хлеб.

— А вы кто будете?

— Врач, — сказал Иван, и это было почти правдой.

— Боялся он, — сказала уборщица, понизив голос. — С той ночи. Говорит: Зоя, у меня в голове гудит. Как будто город, говорит, ночью, и окна горят, а я по нему иду. Боюсь, говорит, засну, и меня туда насовсем. Кофе пил банками, эти, энергетики ваши. Третью ночь. А сегодня, видать, не сдюжил.

Иван почувствовал, как ровный гул в его собственной го-

лове, к которому он почти привык, стал на одно деление громче. Как город ночью. Он сам сказал это Майе на крыльце станции. Галина Петровна видела во сне город, где горят окна. Теперь охранник Валерий Палыч, который никогда не слышал ни того, ни другого.

Майя стояла рядом и молчала. По её лицу ничего нельзя было прочитать, но блокнот она достала.

Охранник тем временем завершил круг и пошёл на следующий. Вокруг уже собирались люди. Кто-то из подростков навёл на него телефон и громко, с удовольствием, сказал: «Зомби».

— Убери, — сказал Толян. — Не цирк.

Сказал он это негромко, но подросток убрал. Толян умел говорить так, что телефоны убирались сами.

Потом он вышел охраннику навстречу и встал у него на дороге. Просто встал, большой, в куртке нараспашку, с бутылкой кефира в кармане. Валерий Палыч дошёл до него и остановился, не толкнув и не обойдя. Он стоял и терпеливо ждал, как ждёт робот-пылесос, упёршийся в ножку стула. Глаза у него были открыты. Смотрели они не на Толяна и не мимо, а в какое-то место, где ничего не было. Лидочка на станции говорила про Берёзкина теми же словами.

Толян смотрел на охранника долго. Потом сказал, не оборачиваясь:

— Вано. Нету его.

— Я вижу.

— Не, погоди. — Толян наморщил лоб. — Есть. Только далеко. Как будто он в соседней комнате телевизор смотрит. И звук убавил.

— Это ты как понял?

— Не знаю, — сказал Толян. — Понял и всё. Отстань.

Иван взял охранника под локоть. Тот послушно пошёл, куда повели, и послушно сел на скамейку у фонтана. Иван раскрыл сумку, и через минуту на голове у Валерия Палыча был шлем, двенадцать электродов и запах резины.

На планшете поползла запись. Совпадение со спектром поля держалось на обычных четырёх-пяти процентах. Под ним шёл узор спящего человека, хотя человек сидел с открытыми глазами. Иван знал этот узор. Он видел его три дня назад в дежурке на окраине.

Он достал телефон и набрал Лидочку. Номер она сама продиктовала ему тогда, «на всякий случай», и, кажется, всё это время ждала, что случай наступит.

— Лидия Андреевна, это Прошков. Как Николай Степанович?

— Так же, — сказала Лидочка. — Я при нём. Узор этот ваш пишу в тетрадку, по часам. Начальство велело, мало ли.

— Когда был последний повтор?

Лидочка зашуршала страницами.

— В четырнадцать ноль три. И сорок одна секунда.

Иван посмотрел на планшет. Узор у охранника начался в 14:03:41.

— Спасибо, — сказал он. — Следующий будет в четырнадцать четырнадцать сорок одна.

— Откуда вы знаете? — удивилась Лидочка.

Иван не ответил. Он смотрел на два одинаковых числа и думал, что два спящих человека на разных концах города не могут видеть один и тот же сон с точностью до секунды. А если могут, значит, это не сон. Значит, оба слушают одно и то же.

• • •

Майя тронула его за рукав.

— Иван. Сейчас будет неприятно. Я пошла.

— Куда?

— В камеру хранения. Ключ потом.

Она развернулась и исчезла в толпе так быстро и так незаметно, будто её тут и не было. Иван поднял голову. По эскалатору спускались трое. Двое мужчин и женщина, в одинаковых тёмных пальто, с одинаково спокойными лицами. За стеклянными дверями у входа стоял белый микроавтобус с надписью «Медицинская служба». Красного креста на нём не было.

— Толя, — сказал Иван. — Сумка.

Толян хлопнул себя по бокам, посмотрел наверх, на фудкорт, где на стуле у перил так и сидела в одиночестве сумка-холодильник с улыбающейся морковкой, и молча побе-

жал к эскалатору. Бежал он против движения, расталкивая людей с вежливым «извиняюсь».

Иван снял с охранника шлем. Подумав секунду, свернул на планшете запись и убрал его в сумку.

Мужчина, подошедший первым, был лет сорока пяти, аккуратно подстрижен и улыбался той улыбкой, которую Иван уже видел у Аркадия. Ровная, приятная, взятая напрокат.

— Добрый день, — сказал он. — Межведомственная рабочая группа по стабильности поля. Пчёлкин, Ростислав Олегович. Спасибо, что оказали первую помощь. Дальше мы сами.

Двое других уже бережно поднимали Валерия Палыча со скамейки. Тот поднялся легко и пошёл с ними в ногу, ни разу не сбившись, как будто всю жизнь только этого и ждал.

— Куда вы его? — спросил Дмитрий.

— На обследование, — сказал Пчёлкин. — Не волнуйтесь, молодой человек, это просто переутомление. Сейчас многие переутомлены. Его родным мы сообщим.

— А скорую я вызывал двенадцать минут назад, — сказал Дмитрий. — Это вы, что ли, скорая?

Пчёлкин улыбнулся ему, как улыбаются ребёнку, задавшему трудный вопрос в неподходящем месте, и повернулся к Ивану.

— А вы ведь Прошков? Иван. — Он кивнул на сумку. — Шлем вашей фирмы, я узнал. Хорошая модель. Скажите, запись сохранилась?

Иван потом не раз вспоминал эту секунду. Врать он не умел и не любил, а главное, не видел в этом смысла: врут обычно тогда, когда боятся, а он не боялся. Пока ещё нет.

— Не успел включить, — сказал он.

Солгать вежливому человеку оказалось удивительно легко. Иван даже немного испугался, насколько легко.

— Жаль, — сказал Пчёлкин без малейшего сожаления. Он достал визитку и протянул её Ивану. — Если увидите что-то похожее, звоните. В любое время. Мы с вами, Иван, на одной стороне. Просто у нас ресурсов больше.

Подоспел запыхавшийся Толян с сумкой-холодильником на плече. Пчёлкин скользнул по сумке взглядом.

— Пиво?

— Кефир, — с достоинством сказал Толян. — Завязка.

— Уважаю, — сказал Пчёлкин, вежливо кивнул обоим и пошёл к выходу, где двое в пальто уже усаживали охранника в микроавтобус.

Визитка была плотная и белая, с гербом в углу. Фамилия, имя, отчество и номер телефона. Должность: «специалист по взаимодействию с населением». Иван подумал, что Майе для той же работы хватает одной буквы.

• • •

Майя позвонила, когда они уже стояли на остановке.

— Двенадцать минут, — сказала она без предисловий. —

К Берёзкину скорая не приехала совсем, Иван. А эти были здесь через двенадцать минут после вызова. Они не по вызову ехали. Они смотрели.

— На что?

— Не знаю. Пока. — Она помолчала. — И он не был в поле. Вы понимаете? Обычный охранник, обычный торговый центр, обычная розетка. Он не спал три ночи и уснул днём. Всё.

— Я понимаю.

— Колонки пока оставьте себе. Ваша морозилка надёжнее камеры хранения. Сегодня здесь было слишком много людей в пальто.

— Майя, — сказал Иван. — Запись у меня. Я им сказал, что не включал.

На том конце помолчали чуть дольше, чем обычно.

— Вы соврали Пчёлкину?

— Вы его знаете?

— Теперь знаю. — Ивану показалось, что она улыбается, хотя по голосу понять было невозможно. — Пришлите мне копию. И ещё, Иван. Вы сами-то спите?

Он не нашёлся что ответить. Майя, похоже, и не ждала. Отключилась.

• • •

Ночевать Толян остался у Ивана. Объяснил он это так:

— Мама велела к ней в выходные заехать, а сегодня не выходные. Значит, свободен. А у тебя диван.

Диван у Ивана был узкий и короткий, и Толян лёг на нём буквой «зю», накрывшись курткой. Кефир он поставил на пол, в зоне досягаемости, как ставят будильник.

Иван лежал в комнате и слушал гул. Сегодня он был отчётливее, чем вчера. Как дальний город, если смотреть на него ночью с холма: ничего не разобрать, но там много окон и кто-то не спит. Где-то в этом городе, думал Иван, сейчас идёт по кругу Валерий Палыч. Одиннадцать минут на круг. И Берёзкин, наверное, тоже идёт, только тело его лежит на старом диване в дежурке.

«Тот, кто спит, слышит. Не будите его». Гороскоп для Рыб из «Шпильки». Галина Петровна никогда не пишет «не», а тут написала. Всем велели не будить. Никто не сказал, что делать с теми, кто проснулся, а дома никого нет.

Он взял телефон и набрал маму. Было без двадцати двенадцать.

— Ваня? — испуганно сказала мама. — Что случилось?

— Ничего. Просто позвонил.

— В двенадцать ночи? Просто? — Мама помолчала, переваривая. — Ты ел?

— Ел. Пирог с капустой.

— Сам пёк?

— Соседка.

— Хорошая соседка, — одобрила мама. — Ложись спать,

Ваня. Тебе завтра на работу.

Работы у него завтра не было, но спорить с мамой Иван не стал никогда, начиная лет с пяти. Он попрощался и положил телефон рядом с подушкой.

— Вано, — сказал из темноты Толян. — Ты это. Спи. Если что, я тебя разбужу.

— Чем?

— Найду чем.

Иван закрыл глаза. Гул был рядом и никуда не делся, но в нём, как ему показалось, горело теперь одно окно, совсем близко, тёплое, с занавеской. Он успел подумать, что это, наверное, кухня, и что там, наверное, пахнет капустой. А потом уснул.

Утром он проснулся. Весь, целиком, до последней мысли. И первым делом проверил это, как проверяют, на месте ли ключи.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.